

А.А. Наумлюк

ЦЕНТР СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ИРТИЗЕ: ПОЯВЛЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВЗАИМОТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ

Монография

Саратов 2009

А.А. Наумлюк

**ЦЕНТР СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ИРГИЗЕ:
ПОЯВЛЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ**

Монография

Саратов 2009

УДК 271.2(470)(09)

ББК 86.372

Н-34

Наумлюк А.А.

Н-34 Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью: Монография. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2009. – 100 с.

ISBN 978-5-9758-1147-9

Работа посвящена истории одного из крупнейших старообрядческих центров России – Иргизских монастырей. В исследовании описано образование монашеских обителей во второй половине XVIII в., хозяйственная и религиозная деятельность и разгром монастырей в первой половине XIX в. На примере Иргиза прослеживается практика государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству в Саратовском Поволжье. Работа основана на архивных источниках, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Для учащихся и преподавателей гуманитарных факультетов университетов и всех интересующихся историей родного края.

УДК 271.2(470)(09)

ББК 86.372

ISBN 978-5-9758-1147-9

© Наумлюк А.А., 2009

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Историография и источники истории иргизских старообрядческих монастырей.....	10
Глава 2. Появление и развитие иргизского старообрядческого центра до введения единоверия	32
§ 1. Указ 1762 г. о переселении старообрядцев и основание иргизских скитов	32
§ 2. Деятельность иргизских монастырей до введения единоверия	40
Глава 3. Введение единоверия в иргизских старообрядческих монастырях	56
§ 1. Действия губернских властей против раскола в первой половине XIX в.	56
§ 2. Уничтожение старообрядческого центра на Иргизе	77
Заключение	90
Список использованных источников и литературы	93

Введение

В «Возражении, или Разорении смиренного Никона», опубликованном Г.В. Вернадским в 1982 г., патриарх Никон, высказываясь по всем волнующим его вопросам, ни разу не обмолвился о церковной реформе. Это позволило С.Б. Лобачеву, ученику профессора Р.Г. Скрынникова, сделать вывод о том, что реформа не являлась для патриарха самым важным делом его служения¹. Также в трудах самого Никона практически нет высказываний по поводу проявившихся во время его патриаршества раскольнических² тенденция³. Однако в исторической науке имя «великого государя, святейшего Никона» и время его патриаршества закрепилось именно в связи с расколом Русской православной церкви, поводом к которому стала церковная реформа. Раскол явился неизбежным следствием и в то же время альтернативой в развитии православного русского общества XVII в., которое самовольно возложило на себя мессианскую роль «Третьего Рима», последнего оплота православия⁴. И точно также как официальное православие, старообрядчество во всех своих ответвлениях, кроме разве что самых маргинальных, сумело породить позитивную христоцентричную философию, глубоко символичную духовную и материальную культуру, сумело создать корпорацию, которая все последующие века вплоть до революции 1917 г. во многом определяла экономический, социальный, а порой и политический облик страны.

Казалось бы, за триста с лишним лет, прошедших после Собора 1666 г., когда окончательно на государственном уровне были приняты изменения в обрядовом проявлении духовной жизни русской церкви, историческая наука должна была накопить достаточный опыт исследования такого яркого феномена русской культуры и религиозной практики, как старообрядчество. В действительности же многогранный

---

¹ См.: Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 129; Он же. У истоков церковного раскола // Отечественная история. 2001. №2. С. 139.

² Согласно «Пространному христианскому катехизису Православных Кафолических Восточных Церквей» Московского митрополита Филарета (М., 1911 г.) – «Раскол, то есть своевольное уклонение от единства богочитания и от Православной Кафолической Церкви Божией». Если следовать этому утверждению, то действительно движение старообрядчества, родившееся из оппозиции «ревнителей благочестия» и разделившее русское дореволюционное общество на два враждующих лагеря, есть «раскол». Именно в этом смысле, как религиозно-культурное движение в рамках православной церкви самочинно противопоставившее себя официальной государственной церкви и будет использоваться термин «раскол» в данной работе.

³ См.: Шмидт В. Жизнеописание Святейшего Патриарха Никона // Журнал Московской Патриархии. 2002. №11. С. 61.

⁴ Вообще же концепция *translatio imperii* – «вечно мигрирующего Рима» использовалась в различных целях задолго до XVI в.: Карл Великий считал Новым Римом свою столицу Аахен, а первым восточноевропейским народом воспринявшим идею «Третьего Рима» стали болгары в XIV в, пришедшие к мысли, «что новым центром православного христианства должен стать не увядающий Константинополь, а Тырново». См.: Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип: Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005. С. 56.

и противоречивый раскол до сих пор остается не изученным в полной мере. Как отмечал крупнейший специалист по духовным движениям XVII в. С. Зеньковский: «Сравнительно немного было сделано для выяснения корней этого раскола в истории самой русской церкви, его идеологического содержания и его роли в развитии русского народа за последние три века»⁵. Среди основных «невыясненных вопросов» исследователь называл: сущность влияния старообрядческой мысли на идеологию русских мыслителей, славянофилов и народников, «почвенников» середины XIX в. и думских «прогрессистов» начала XX в.; значение старообрядческой деятельности в развитии русской экономики; связь старообрядческих писаний с русской литературой начала XX в. и др.

Представляется, что еще одной недостаточно изученной стороной существования старообрядчества остается деятельность крупных и мелких центров раскола в виде монастырей, скитов, отдельных церквей и часовен, наконец, в виде влиятельных в экономическом плане общин верующих вокруг какой-либо домовой молельни. И если история и деятельность например Рогожского кладбища в Москве⁶, уральских общин, прежде всего Демидовских заводов⁷, освещены более подробно и интерес к ним у историков по тем или иным причинам не прерывался и в советское время, то истории иргизских монастырей – Всероссийского старообрядческого центра последней трети XVIII–первой половины XIX в., которые принадлежали в административном отношении к Саратовской губернии, посвящено совсем немного работ, состоящих в основном из статей в дореволюционной периодике. Единственной крупной монографией по истории Иргиза⁸ стала публикация члена Саратовской ученой архивной комиссии (далее СУАК) Николая Степановича Соколова в 1888 г. «Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам»⁹, которая, однако, не лишена некоторых недостатков своего времени.

Таким образом, крайне плачевное состояние изучения истории всего саратовского раскола и иргизских монастырей в частности даже в местной краеведческой литературе, не говоря уже об общероссийских

---

⁵ Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. М., 1995. С. 14.

⁶ См.: Макаров В.Е. Очерк истории Рогожского кладбища к 140-летию его существования, 1771–1911 гг. М., 1911; Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2005.

⁷ См.: Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII–XIX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.

⁸ Употребление наименования «Иргиз» в данной работе предполагает обобщенное название всех старообрядческих монастырей, а также староверческого общества близлежащих селений, связанного в экономической и религиозной своей деятельности с монастырями.

⁹ См.: Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Саратов, 1888.

Т. 1. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия.

трудах (так в крупнейшем издании по истории религиозной жизни России «История Русской церкви»¹⁰ Иргизу посвящена лишь одна строка) определяет научную актуальность данной тематики.

Неослабевающий интерес к истории иргизского центра старообрядчества подтверждается появлением в последнее время нескольких диссертационных исследований, в которых эта тема прямо или косвенно научно разрабатывалась¹¹.

Несмотря на активную научную разработку истории иргизских монастырей членами Саратовской ученой архивной комиссии, поставивших своей целью разыскание архивных дел, касающихся, в том числе этого вопроса, огромная масса документов до сих пор остается неизученной. Сборный архив самих монастырей был практически уничтожен в первые годы советской власти, о чем оставили свои воспоминания член Саратовской архивной комиссии Е.В. Яковлева, когда в 1921 г. пыталась спасти дела монастырей, иконы и духовные сочинения¹²; а также академик М.Н. Тихомиров в 1919 г.¹³ Однако многие старопечатные и рукописные тексты, в основном служебного и духовного характера (певческие книги, Служебники, Евангелия и др.), то есть не имеющие конкретной исторической ценности как источник, были переправлены в Москву, в основном в научную библиотеку МГУ. Несмотря на потерю большей части источников, продолжается кропотливая работа по собиранию и публикации архивного материала по истории раскола и иргизских монастырей, что, по всей видимости, определяется возросшим интересом в современной исторической науке к религиозному наполнению жизни русского общества на различных этапах его существования. Так, среди массы духовно-утилитарных текстов Российской Государственной библиотеки была разыскана и издана с подробными комментариями Ю.Д. Рыкова «Повесть о разорении старообрядского монастыря Никольского, еже есть на реке Иргизе, в лето от Адама 7345 марта 13 числа»¹⁴, что явилось важным свидетельством превращения «иргизской вольницы» в единоверческие обители со стороны самих староверов. Также случайно было найдено

---

¹⁰ См.: *Смолич И.К.* История Русской церкви, 1700–1917 // История Русской церкви. М., 1997. Кн. 8. Ч. 2. С. 130.

¹¹ См.: *Ряжнев А.С.* Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Обухович С.А.* Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX-начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

¹² См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 961.

¹³ См.: *Тихомиров М.Н.* Доклад о поездке в Иргизские монастыри с 31 мая по 17 июня 1919 г.: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив.

¹⁴ См.: *Рыков Ю.Д.* Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 301-313.

подобное свидетельство в виде стихотворного «Плача девического како их выгнали из Николаевского монастыря», которое было издано в единственном обобщающем труде по православной истории Саратовского края вольского священника Михаила Воробьева¹⁵. Стихотворное произведение подобной тематики было «обнаружено в 1999 г. в г. Клинцы Брянской области в сборнике полемически-уставного характера из библиотеки Новозыбковско-Клинцовского епископа Флавиана (Фёдора Кузмича Разуваева 1847–1933)»¹⁶ Одинцовским краеведом Р.И. Перекрестовым и опубликовано в сборнике «Старообрядчество: история, культура, современность» за 2002 г. Однако, несмотря на литературные достоинства «Плача по Иргизу», исторической информации стихотворение не несет.

Таким образом, интерес к изучению истории иргизских старообрядческих монастырей находит свое отражение в увеличении вводимых в научный оборот неизвестных до сих пор архивных материалов. Этот же принцип был положен в основу данной работы.

Активизация развития межконфессиональных и церковно-государственных отношений в последнее время, которую подтверждает усиленное внимание к данной проблематике в научном сообществе¹⁷, указывает на необходимость поиска оптимальных взаимоотношений различных религиозных объединений в поликонфессиональной России. Очевидно, что современное российское государство не выработало единой законодательной и идеологической базы во взаимоотношениях с представителями различных религиозных объединений. Однако роль государства в создании религиозной концепции существования общества особенно значима на современном этапе его развития. Это отмечалось, например, на Международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты – угроза XXI века», в итоговом документе которой представители всех мировых религий, а также местной государственной власти сошлись во мнении о том, что «законодательство нашей страны о свободе совести и религиозной деятельности до сих пор недостаточно совершенно»¹⁸. Тогда как «оптимальное регулирование межконфессиональных отношений является одним из факторов стабильности российского общества. В связи с этим необходимо обращение к изучению исторического опыта

---

¹⁵ См.: Воробьев М. Православное краеведение. Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002. С. 16-18.

¹⁶ Плач по Иргизу: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samstar.ru/article/1159/>. – Загл. с экрана.

¹⁷ См.: Филатова Я.И. Государственно-конфессиональные отношения в России (конец XIX–начало XX вв.) // Одиннадцатые всероссийские Платоновские чтения. Самара, 2005. С. 128.

¹⁸ Материалы международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты – угроза XXI века», 23-25 апреля 2001 года. Н. Новгород, 2001. С. 266.

сосуществования религиозных организаций как на региональном, так и общегосударственном уровне»¹⁹. Сложное развитие взаимоотношений иргизских старообрядческих монастырей и государственной власти в Саратовском крае представляет вполне законченную локальную картину государственной конфессиональной политики на местах, которую с успехом можно вписать в более обширное полотно сосуществования государства и различных религиозных объединений России.

Хронологические рамки исследования определяются временем существования иргизских старообрядческих монастырей (1762–1841 гг.), хотя анализ государственной конфессиональной политики по отношению к староверам Саратовского края заставляет их несколько расширить.

В этнографическом плане изучение старообрядчества, как поволжского, так и других регионов²⁰, представлено более богато, что, по видимому, связано с соотнесением в советской историографии собирания этнографических материалов с принципом дружественного проживания народов многонационального СССР, тогда как чисто исторические исследования староверия, впрочем, как и православия, наткнулись на идеологические препоны.

Поэтому в основу данной работы был положен не этнологический материал, а лишь архивный, а также нарративные источники, характеризующие иргизские старообрядческие монастыри, как экономическую, социальную и, в первую очередь, как религиозную общину, имевшую огромное влияние не только на судьбу Саратовского края XVIII–XIX вв., но и в немалой степени имевшую значение для всей страны, если учесть суммарное количество староверов среди населения (министр внутренних дел в юбилейном отчете к 25-летию царствования императора Николая I писал, что в 1825 г. число раскольников составляло 826 000 человек, тогда как к 1850 г. уменьшилось до 750 000, однако здесь же было признано, что реальные цифры староверов в России приближаются к 10 миллионам²¹).

Цель данного исследования заключается в воссоздании на основе архивных источников и немногочисленных краеведческих работ

---

¹⁹ См.: Камзина А.Д. Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

²⁰ См.: Юмсунова Т.Б. Фонетическое и морфологическое своеобразие говоров старообрядцев Забайкалья // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 4; Юхименко Е.М. Новые городские элементы в выговской культуре и искусстве первой половины XIX в. // Локальные традиции в народной культуре русского Севера: Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения-2003». Сб. науч. докладов. Петрозаводск, 2003; Шаранов В.Э. Христианские сюжеты в фольклоре коми старообрядцев Средней Печоры: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/3.asp>. – Загл. с экрана; и др.

²¹ См.: Мельников П. И. Счисление // Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 7. С. 392.

историю иргизских монастырей как Всероссийского старообрядческого центра, от создания до уничтожения путем насильственного приведения в единоверие.

Поставленная цель достигается путем решения ряда конкретных задач:

1) анализа историографической и источниковой базы, на основе которой построено исследование вопроса;

2) выявления роли Указа Екатерины II 1762 г. о разрешении старообрядцам возвращаться из-за границы и селиться в «реестром указанных землях» в образовании иргизских монастырей и в заселении Саратовского Заволжья;

3) рассмотрения экономической и религиозной деятельности иргизских монастырей за время их существования. При этом осуществлена попытка выявить связь развития обитателей с проводимой в различные периоды государственной конфессиональной политикой по отношению к старообрядчеству как на общероссийском, так и на местном уровне;

4) анализа действий губернских властей по отношению к старообрядчеству в Саратовском крае в период существования иргизских староверческих монастырей;

5) рассмотрения действий епархиального и губернского руководства, направленных на уничтожение иргизского старообрядческого центра, в рамках общей политики борьбы со староверием в период правления Николая I.

Автор приносит благодарность всем работникам Государственного архива Самарской области, а также Вольского и Пугачевского филиалов Государственного архива Саратовской области за помощь в разыскании документов. А также коллегам кафедры историографии и региональной истории Саратовского государственного университета Виктору Николаевичу Данилову и Михаилу Владимировичу Булычеву за ценные замечания и поддержку.

Глава 1. Историография и источники истории иргизских старообрядческих монастырей

Уже упоминавшийся выше саратовский историк и публицист, член СУАК Николай Степанович Соколов в своей магистерской диссертации «Раскол в Саратовском крае» поместил неполный список статей периодической печати, посвященных истории иргизских старообрядческих монастырей. Нигде более материал этой публицистики полностью не использовался, да и сам Соколов успел просмотреть далеко не все. Однако ряд утерянных навсегда источников, мнение очевидцев событий, колорит эпохи можно найти лишь в статьях дореволюционных журналов. Именно этот пласт историографии представляет собой основной интерес при изучении старообрядчества в Саратовском крае.

Характер работ по истории староверия можно разделить на две большие группы по позитивному или отрицательному отношению к расколу. Именно такой подход использовался в ранней, полемической по цели и содержанию литературе о расколе, писавшейся, с одной стороны, образованными священнослужителями официальной церкви, а с другой – наиболее начитанными начетниками, то есть старообрядческими богословами. Также следует учесть, что «при существовании строгой цензуры, то есть до конца царствования Императора Николая I, авторы-старообрядцы (или сочувствовавшие расколу) не могли легально издавать свои богословские или исторические книги, и история раскола трактовалась только в исторических или полемических сочинениях православных авторов «духовного сословия»²².

К моменту 200-летия раскола Русской православной церкви историческая мысль разразилась огромной массой работ, совершенно разных по характеру. Полемика о старообрядчестве и самом факте раскола перешла совершенно в иное русло. Свидетель протекавших в то время в исторической науке процессов М. Стебницкий, оставив свои этнографические заметки о жизни староверов различных весей России, обратил особое внимание на развернувшуюся полемику: «С относительным облегчением русской прессы в литературе стал складываться взгляд на раскол, как на явление в жизни русского общества единственно не зараженное «тлетворным дыханием западной цивилизации». В расколе стали находить весьма сильные политические тенденции, надсмехаясь над людьми, видевшими в расколе лишь

²² Пушкарев С. Историография старообрядчества // Журнал Московской Патриархии. 1998. №7. С. 107.

религиозный фанатизм. На старых (правда положительных к расколу) мнениях остался П.И. Мельников, которого поддерживала «Северная Пчела». Ему жестко противостоял А.П. Щапов с либеральной газетой «Современное слово»²³. Ту же самую картину рисует В.Ф. Ливанов, издавший в 1869 г. труд с красноречивым названием «Раскольники и острожники». Характеризуя «Собрание постановлений по части раскола» В.И. Кельсиева, Ливанов отмечает, что этот либерал, близко сошедшийся с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, крайне положительно рассматривал раскол, как «народную силу»²⁴.

Активизация интереса к старообрядчеству и попытки его переосмысления в публицистической литературе вызвали в свою очередь интенсивное научное изучение различных сторон жизни староверия. К этому же времени относится и появление основных трудов по истории иргизских монастырей.

Одной из первых серьезных работ по истории старообрядчества в Саратовском крае и иргизских монастырей является ряд статей профессора Казанского университета Ивана Михайловича Добротворского, напечатанных в «Православном собеседнике» в 1857–1858 гг. под общим названием «Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию».

С самого начала повествования Добротворский указывает на свои главные источники, что с учетом плохой их сохранности в настоящее время представляется весьма важным. В основном сведения почерпнуты из рукописи Саратовского епископа Иакова (Вечеркова; 1842–1847)²⁵, тогда и до сих пор хранившейся в Центральном государственном историческом архиве; и из изданной в Петербурге книги настоятеля иргизской общины Сергия (Юршева) «Зеркало для старообрядцев»²⁶. Остальные источники носят в основном общероссийский статистический характер. При всей своеобразности и достоинствах «Записок» Преосвященного Иакова его труд основывается, прежде всего, на позиции полемики и осуждения, что также нашло свое отражение в статьях Добротворского. Весьма подробно остановившись на моменте основания монастырей после знаменитого Указа Екатерины 1762 г., разрешавшем старообрядцам селиться по берегам Иргиза, автор, как и остальные исследователи саратовского раскола, источник иргизской братии видит в выходцах с

²³ Стебницкий М.С. людьми древляго благочестия. СПб., 1863. С. 7.

²⁴ См.: Ливанов В.Ф. Раскольники и острожники. СПб., 1869. С. 537-539.

²⁵ См.: Добротворский И.М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник. 1857. Кн. 2. С. 376.

²⁶ См.: Сергий, иером. Зеркало для старообрядцев не покоряющихся православной церкви. СПб., 1799.

Ветки, старообрядческих скитов на границе Украины и Польши (владения воеводы Халецкого)²⁷. Однако здесь же Добротворский пишет, что социальной базой пришедшим староверам служили «всякого рода бродяги и государственные преступники»²⁸, что уже характеризует позицию автора.

Отдельно автор рассматривает деятельность самого знаменитого настоятеля Исаакиевского (Успенского) иргизского скита Сергия (Юршева). Описывая его краткую биографию, Добротворский предполагает, что Сергей еще до прибытия на Иргиз стремился занять начальствующее положение над всеми пятью монастырями, что подкрепляет, впрочем без какой-либо ссылки, фактом незаконной постройки Сергием церкви для упрочения своей власти²⁹, поскольку церковь давала монастырям новых прихожан, а значит и доход.

Подробное описание догматических споров Сергия, к концу жизни решившего оставить старообрядчество и иргизскую братию, основывается у Добротворского почти полностью на основе уже упомянутой книги Сергия. При сравнении источника с текстом Добротворского, становится ясно – обвинения со стороны настоятеля своей братии перешли и на страницы «Православного собеседника». Однако важным добавлением стал критический анализ книги Сергия как исторического источника, хотя зачастую автор лишь перечисляет ругательства, которыми Сергей осыпает своих бывших товарищей. Зато подробно рассмотрены догматические тонкости споров, волновавших тогда все старообрядческое общество, желавшее найти себе полную иерархию священства и предпринимавшее для этого колоссальные усилия.

Глава «Иргизские монастыри при Прохоре», еще одном, последнем перед обращением монастырей в единоверие настоятеле, в сочинении Добротворского, к сожалению, сводится лишь к статистическому описанию монастырских владений, движимого и недвижимого имущества, с примерами безнравственной жизни в обители. Описание это, по всей видимости, сделано в основном на основании материалов донесения саратовского губернатора князя А.Б. Голицина управляющему Министерством внутренних дел от 6 апреля 1828 г., которое впоследствии было включено в статью А.Ф. Леопольдова, опубликованную в «Трудах СУАК»³⁰.

²⁷ См.: *Никольский Н.М.* История Русской Церкви. М., 1983. С. 238.

²⁸ См.: *Добротворский И.М.* Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию. С. 378.

²⁹ См.: *Добротворский И.М.* Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию. С. 390.

³⁰ См.: *Леопольдов А.Ф.* О расколе по Саратовской епархии. 1839 г. // *Труды СУАК.* 1903. Вып. 23. С. 156-166.

Особый интерес вызывает у Добротворского обращение Иргизских монастырей в единоверие, что связано, по всей видимости, с более полной источниковой базой, хотя ссылается автор все на ту же рукопись епископа Иакова. Естественным завершением работы видится вывод автора: «Обращение Иргизских раскольнических монастырей к единоверию было весьма благодетельно не только для саратовской губернии, но и для всей России³¹». Автор не дает оценок насильственным действиям правительства при обращении и изгнании монахов, но подробно приводит примеры позитивных изменений последовавших после приведения обитателей к подчинению Православной церкви.

Н.С. Соколов, предваряя свой труд небольшой историографической справкой, анализирует статьи Добротворского и, нисколько не умаляя заслуг автора, делает следующий вывод, с которым нельзя не согласиться: «Тенденциозность – их основной недостаток. Предвзятая мысль сквозит на каждой странице, сквозит беззастенчиво, как новая заплатка на старой одежде. Автору во чтобы то ни стало хочется доказать, что в расколе – все было дурно, в православии – было хорошо»³².

Статьи Добротворского являются, пожалуй, самым серьезным трудом по истории иргизских монастырей в периодике, однако не меньший интерес по своеобразие и источниковой базе представляет труд известного писателя, товарища Н.И. Костомарова в Саратове Даниила Лукича Мордовцева в политико-публицистическом журнале «Дело» за 1872 г. под названием «Последние годы Иргизских раскольничьих общин»³³.

Хотя темой был заявлен лишь небольшой эпизод из жизни Иргизских монастырей, Мордовцев, имеющий уже определенный опыт в написании работ по истории самозванства и разбойного дела в России («Гайдаматчина», «Самозванство и понизовая вольница» и др.), расширяет рамки и вслед за профессором Казанского университета Владиславом Цыпиным, видевшим в расколе народный бунт против крепостничества, рассматривает Иргизские монастыри как проявление «понизовой вольницы», средоточие всех антиправительственных сил Поволжья.

Статья начинается с перечисления множества разбойников и атаманов шаек, действовавших в крае и, по мнению автора, связанных с

³¹ См.: *Добротворский И.М.* Обращение иргизских старообрядческих монастырей к единоверию // Православный собеседник. 1858. С. 258.

³² *Соколов Н.С.* Раскол в саратовском крае. 1888. С. 1.

³³ См.: *Мордовцев Д.Л.* Последние годы Иргизских раскольничьих общин // Дело. 1872. №№ 1, 2, 4.

расколом. Самым известным именем здесь звучит «коновод народного движения в Поволжье» Емельян Пугачев. На этой тематике строится красочное, но без научной критики и четких хронологических и проблемных рамок описание внутренней истории иргизских монастырей и действий правительства по их обращению в единоверие. Несомненным достоинством статьи является большое количество источников, которые, однако, представлены практически без научного аппарата. Мордовцев приводит на страницах своего труда полные тексты некоторых документов в основном современного губернаторского 1-го фонда Государственного архива Саратовской области: переписку губернатора и духовных губернских властей, донесения из уездов и многое другое относительно уничтожения иргизских монастырей. В свете положительного пристрастия к описанию фактов незаконных действий насельников иргизских скитов не удивительны выводы автора. Оценивая меры правительства по искоренению иргизской вольницы, он пишет: «Суд истории никогда не оправдывает тех спешных и в свое время казавшихся настоятельно необходимыми мер давления, насилия и проч., к коим люди в порыве понятного нетерпения прибегают вопреки неизменным законам жизни, которая сама в себе отрицает насилие...»³⁴.

Продолжением статьи может служить изданная в 1874 г. в «Отечественных записках» публикация под псевдонимом Д. Дионисиева «Движения в расколе»³⁵. В ней автор на материале архивных дел различных судебных органов Саратова пытается описать старообрядческие толки Саратовского края второй четверти XIX в. Интерес здесь представляет лишь обстоятельное описание принуждения Средне-Никольского иргизского старообрядческого монастыря в единоверие, которое, однако, создано практически полностью на основе официального сочинения благочинного саратовских церквей Гавриила Чернышевского, и, пересказывая его иногда дословно, автор совершенно не соотносит рукопись с другими источниками. Несомненным достоинством работы служит совершенно новый, отличный от панегириков саратовской администрации взгляд на само значение и последствия уничтожения иргизского центра староверия. Автор убеждается в том, что, противодействуя официальной политике насильственного уничтожения раскола, в том числе иргизских обителей, старообрядчество отнюдь не исчезало, а, напротив возрастало и в количественном, и в качественном отношении.

---

³⁴ Мордовцев Д.Л. Указ. Соч. С. 319.

³⁵ См.: Дионисиев Д. Движения в расколе // Отечественные записки. 1874. № 11.

Следует отметить, что статистические данные архивных материалов действительно подтвердили вывод автора.

Статьи Добротворского и Мордовцева по характеру своего описания полярно различны как в отношении оценок, так и по методам изложения. Если публицист Мордовцев явно симпатизирует свободному духу иргизской общины, то Добротворский вслед за епископом Иаковом пишет с позиции синодальной, а значит обличительно настроенной по отношению к старообрядчеству. Более поздним примером, взвешенным и с несомненно большей научной ценностью является краткая статья саратовского историка и статиста, члена СУАК А.Ф. Леопольдова «О расколе по Саратовской епархии. 1839 г.». В ней сухо, с множеством статистического материала, на основе архива СУАК, собранного в основном с уездов (особенно Вольского и Аткарского), автор передает собственные измышления о деятельности иргизских обитателей, о привлекательности раскола для масс, о его вредности для государства и т.д. В конце автор «Статистического описания Саратовской губернии»³⁶ приводит данные по всем монастырям Иргиза о численности жителей на 1839 г., о постройках, земле, доходах и обо всем, до чего дотянулся пытливый взгляд исследователя.

Рукопись статьи Леопольдова, хранящаяся в современном 407 фонде СУАК в ГАСО под названием «Рукопись Леопольдова о раскольнических сектах Саратовской губернии», состоит, однако, из материалов отчасти исторического, отчасти этнографического характера по различным сектам или маргинальным старообрядческим толкам Саратовского края, тогда как история Иргизских монастырей занимает лишь незначительную часть довольно объемного дела. Из того, что не вошло в публикацию, интересно отметить мнение автора о том, что до упоминавшегося уже указа 1762 г. староверов в Саратовской губернии вообще не было «и жители едиными устами и единым сердцем славословили в Церквах Господа по уставу Православия»³⁷.

Работы Добротворского и Мордовцева нашли свое прямое отражение в изданных в «Самарских епархиальных ведомостях» компиляциях их трудов в виде нескольких брошюр – «Иргизские раскольничьи монастыри», «Обращение Иргизских раскольничьих

---

³⁶ См.: *Леопольдов А.Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839.

³⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1774. Л. 2.

монастырей в единоверие» и др. Д. Дубакиным³⁸. Публикуя статьи, автор тем самым свидетельствует об устойчивом общественном интересе к истории иргизских монастырей.

Наконец, самыми, пожалуй, малоинформативными, но зато более всего выверенными с научной точки зрения, являются статьи известного саратовского краеведа, члена СУАК Александра Лебедева. Среди множества его кратких сообщений по истории Иргиза наиболее показательна статья «К истории старообрядчества на Иргизе», изданная отдельным оттиском из журнала «Старообрядческая мысль» в 1911 г., и, основанная на архивах СУАК работа «Материалы для истории раскола в Поволжье. Краткий очерк истории Иргизских раскольнических монастырей». В обоих случаях, автор заостряет внимание на отдельных моментах скитской жизни и публикует новые документы. Так в первом труде Лебедев издал переписку иргизских монахов с Владимирским губернатором, товарищем Павла I и Н.И. Новикова Павлом Степановичем Руничем, в свете которой экономическое влияние монастырей даже за границей Саратовского региона представляется в довольно крупных масштабах³⁹.

Единственной крупной обстоятельной работой по истории саратовского раскола неперiodического характера стала публикация диссертации магистра богословия Н.С. Соколова «Раскол в Саратовском крае».

Николай Степанович Соколов (1860–1890) – писатель, воспитанник Санкт-Петербургской духовной Академии. В Саратове активно публиковался в местных периодических изданиях, являлся главным редактором «Трудов Саратовской ученой архивной комиссии», а также сотрудничал с журналами «Страна» и «Вестник Европы». В 1889 г. защитил на степень магистра богословия уже упоминавшуюся диссертацию «Раскол в Саратовском крае». Труд этот намечался с продолжением по истории беспоповщины в Саратовском крае, но не был закончен автором из-за трагической гибели. Однако в некотором роде продолжением этого труда стали статьи по истории раскола, помещенные в «Северном Вестнике»: «Саратовский раскол по данным сенаторской ревизии» (1889 г., ноябрь) и «Закон 3-го мая 1883 г. в

---

³⁸ См.: Дубакин Д. Внутренняя и внешняя жизнь в Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их в единоверие // Самарские епархиальные ведомости. 1872. №№ 14, 17. Ч. неофиц.; *Он же*. О средствах какие употребляли Иргизские мнимостарообрядческие монастыри для распространения раскола // Самарские епархиальные ведомости. 1872. № 19. Ч. неофиц.; *Он же*. Иргизские раскольничьи монастыри. Самара, 1882; *Он же*. Иргизские раскольничьи монастыри // Самарские епархиальные ведомости. 1882. №№ 5-14, 19, 21; *Он же*. Обращение Иргизских раскольничьих монастырей в единоверие // Самарские епархиальные ведомости. 1883. №№ 1, 2, 4, 6-8, 10, 13, 14, 16, 17, 19, 21.

³⁹ См.: Лебедев А.К истории старообрядчества на Иргизе. Отд. оттиск из ж. «Старообрядческая мысль». М., 1911. Приложение. С. 11-15.

Саратовской губ.» (1890 г., январь)⁴⁰.

Как отмечает Б. Федоров, до выхода труда Соколова «в литературе по истории саратовского раскола не было ни одной работы, в которой бы вопрос о поволжском расколе, его происхождении, истории и различных толках был более или менее полно и всесторонне освещен»⁴¹. «Раскол в Саратовском крае» на данный момент является единственным исследованием истории старообрядчества в Саратовском крае строго научного характера. Задачи, которые ставил перед собой автор – «приложении к имеющемуся в его распоряжении материалу строго научного метода исторической критики»⁴², предполагают огромный массив источников в виде архивных документов и изданных материалов, главным образом правительственных распоряжений относительно раскола. Источники определили фактическую наполненность работы, в которой речь идет, главным образом, об истории иргизских старообрядческих монастырей до введения в них единоверия. При этом автор совершенно не затрагивает некоторые вопросы истории иргизских скитов, которые могли возникнуть лишь при исследовании более широкого спектра источников, а не только тех, которые непосредственно касаются церковной истории края. Среди таких «белых пятен», например, влияние иргизской вольницы на экономику края. Справедливо указывая на то, что монастыри являлись достаточно мощной экономической силой⁴³, владевшей обширными земельными наделами, Соколов, тем не менее, практически не рассматривает связь экономического процветания общин с деятельностью местного старообрядческого купечества, кроме лишь вольского купца и Именитого гражданина В.А. Злобина. Также нет в работе четкого соотнесения условий существования иргизских скитов с государственной религиозной политикой по отношению к старообрядцам, хотя несомненно, что взаимоотношения с властью предрержащими и религиозно-экономическая деятельность Иргиза дает полное право рассматривать его как пример в анализе политики государства по отношению к расколу по всей России⁴⁴.

Несмотря на некоторые естественные пробелы в освещении истории иргизского монашества, труд Соколова один из самых фундаментальных во всей дореволюционной историографии

⁴⁰ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.: тип. «Издательское дело», 1900. Т. 30. С. 734.

⁴¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 953. Л. 1.

⁴² Соколов Н.С. Указ. соч. С. XXIII.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Наумлюк А.А. Иргизское старообрядчество и власть // Реформирование государственной службы как стабилизирующий фактор становления гражданского общества в России: материалы научно-практической конференции 26 апреля 2005 года. Саратов, 2005. С. 196-198.

Саратовского края. Остается согласиться с выводами известного писателя XIX в. Глеба Ивановича Успенского, который после прочтения книги писал своему товарищу публицисту и редактору «Русской мысли» В.А. Гольцеву: «Письма о Саратовском расколе» хорошая книга некоего Соколова. Правительственные мероприятия он не боится именовать «самые нелогичные, неудачные и дышащие нетерпимостью», а ведь книга с разрешения цензуры. И он, например «догматическую сторону раскола, как и полемику с ним – оставляет в стороне». Словом – много нового в этой книге и смелого»⁴⁵.

Сам же автор так отзывался о своем исследовании: «Итак, направление моей работы – историко-критическое. Что касается плана ее, то мне представляется наиболее целесообразным следовать за естественным ходом событий, помимо всяких искусственных, замысловатых дроблений на отделы и рубрики»⁴⁶.

После «Раскола в Саратовском крае» Н.С. Соколова тема истории иргизских старообрядческих монастырей не затрагивалась в краеведческой историографии, кроме уже упомянутых публикаций некоторых источников А. Лебедевым, вплоть до 20-х годов XX в., когда 20 марта 1919 г. был открыт Пугачевский краеведческий музей, в который первоначально попало большинство рукописей из иргизских обителей.

В том же 1919 г. Пугачев и иргизские монастыри посетил молодой академик М.Н. Тихомиров, направленный сюда Губернским отделом народного образования для сбора материалов из разгромленных местными коммунистами монастырей⁴⁷. В своем отчете Тихомиров сделал следующую запись: «Ризницы иргизских монастырей поражают обилием именно старых богослужебных книг и рукописей полемического содержания, это не случайный подбор антикваров, а вполне обдуманное стремление ревнителей исконного благочестия заполучить в свои руки древние доказательства своей правоты. Многие из этих рукописей прямо посвящены истории раскола и всеми своими приписками и записями подчас тесно связаны с Иргизом»⁴⁸. Справедливости ради следует добавить к отчету Тихомирова воспоминания члена Саратовской архивной Комиссии Е.В. Яновской, которая в очерке «Впечатления от поездки в г. Николаевск (Пугачев) Самарской губернии и Иргизские монастыри. 1920 г.» пишет о том, что

⁴⁵ Архив В.А. Гольцева. М., 1914. Т. 1. С. 67-68.

⁴⁶ Соколов Н.С. Указ. соч. С. XXIV.

⁴⁷ См.: Сулейманова Н.И. М.Н. Тихомиров и К.И. Журавлев основатели Пугачевского краеведческого музея. Пугачевский краеведческий музей: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив.

⁴⁸ Тихомиров М.Н. Доклад о поездке в Иргизские монастыри с 31 мая по 17 июня 1919 г.

действительно почти вся масса икон, утвари, рукописей и старопечатных книг попала из монастырей в Пугачевский краеведческий музей, однако документы она нашла покрывающими пол разрушенных церквей на высоту примерно полметра⁴⁹. Попытки же вывезти архив постоянно натывались на препоны со стороны местной городской власти.

Однако даже неполное спасение исторически ценных материалов из разрушенных монастырей послужило, по всей видимости, источником интереса к истории обитателей у местных краеведов.

Наиболее серьезные труды в это время были написаны, но, к сожалению, не полностью изданы преподавателем Самарского университета Н.А. Архангельским, который описал некоторые дела архива Самарской удельной конторы и Саратовской Духовной консистории. По всей видимости, специфика времени потребовала от исследователя обращения, прежде всего к вопросам сопротивления староверов Иргиза притеснениям со стороны властей⁵⁰, а также к истории местного старообрядческого крестьянства, тесно связанного в своей хозяйственной и нравственной жизни с насельниками обитателей⁵¹. Труды Архангельского носят характер, по большей мере, публикации архивных источников с небольшим их анализом, а потому не имеют почти никакой авторской оценки описываемых событий.

Совершенно другой характер повествования носит работа вольского деятеля революционного движения, потомственного врача, чья семья была арестована и подвергнута негласному надзору Губернского жандармского управления⁵² М.М. Шмуккера «Расправа самодержавия с расколом в Вольске и на Иргизе»⁵³. При малой информативности работы, которая пересказывает наиболее известные факты из истории иргизских скитов по труду Соколова и свидетельству Г. Чернышевского⁵⁴, которое выступает в виде источника, определенный интерес представляет изменение характера работы Шмуккера в связи с политической конъюнктурой советского времени. Сам автор пишет об этом достаточно красноречиво: «Читатель настоящего очерка должен знать, что он написан не в защиту религии

---

⁴⁹ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 961. Л. 3.

⁵⁰ См.: *Архангельский Н.А.* О сопротивлении старообрядцев при обращении Средне-Никольского монастыря в единоверческий: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив. № 4; *Он же.* К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара, 1923.

⁵¹ См.: *Архангельский Н.А.* Из истории Иргизских старообрядческих монастырей: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив. № 2.

⁵² См.: ГАСО. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

⁵³ См.: *Шмуккер М.М.* Расправа самодержавия с расколом в Вольске и на Иргизе: Рук. / Вольский краеведческий музей. Науч. архив. Ф. 4. Д. 540.

⁵⁴ См.: *Чернышевский Г.* Историческое описание обращения Средне-Никольского, что на Иргизе, раскольнического монастыря в Единоверческий: Рук. / Пугачевский краеведческий музей. Науч. архив № 6.

как таковой, православной или старообрядческой, а только с той целью, чтобы рассеять мрак в головах молодежи, относящейся одинаково отрицательно к любой религии, и показать какая борьба происходила среди верующих г. Вольска и его окрестностей и кто в этой борьбе был носителем официальной веры и гонителем старообрядчества и что старообрядчество претерпело от этого. В коротком очерке будет показана эта борьба, когда в руках одного было ружье, дубинка, застенки и тюрьма, а у другого кровь, слезы и жажда пострадать за свою веру и поплатиться за нее жизнью»⁵⁵. Таким образом, сочинение Шмуккера опиралось, прежде всего, своей преемственностью на социально-политические взгляды Мордовцева и профессора А.П. Щапова⁵⁶, видевших в расколе «могучее оппозиционное движение народной массы против политического, социального и церковного угнетения»⁵⁷. Интересно отметить рукописную запись Шмуккера на полях работы напротив цитируемого выше отрывка: «Религия всегда служила правящим классам для закабаления народов»⁵⁸. Именно это утверждение определило характер авторских оценок и информативность труда, в котором основное внимание уделяется «жестоким преследованиям царизма»⁵⁹.

После 20-х годов XX в. тема истории Иргизских монастырей полностью исчезает из предметов внимания историков. Интерес к историческому изучению раскола в Поволжье начинает возобновляться лишь к середине 90-х годов. В 1994 г. в журнале «Волга» выходит публицистическая статья местного краеведа В. Малкина «Кто позвал на Иргиз старообрядцев. Проект крестьянина, ставший императорским указом»⁶⁰. Автор на основе исследования мемуарных записок известного государственного деятеля и поэта Г.Р. Державина⁶¹, пытается восстановить условия принятия правительственного указа 1762 г., по которому старообрядцам, бежавшим от государственного надзора за границу, было разрешено вернуться на Родину. Однако если тематика статьи раскрыта достаточно полно, то когда автор предлагает своим читателям «поразмышлять: почему на Святой Руси вдруг возникло такое ослепление, как раскол?»⁶², начинает совершенно

⁵⁵ Шмуккер М.М. Указ. соч. С. 1.

⁵⁶ См.: Щапов А.П. Земство и раскол. СПб., 1862.

⁵⁷ Там же. С. 28.

⁵⁸ Шмуккер М.М. Указ. соч. С. 1.

⁵⁹ Там же. С. 2.

⁶⁰ См.: Малкин В. Кто позвал на Иргиз старообрядцев. Проект крестьянина, ставший императорским указом // Волга. 1994. № 9-10.

⁶¹ См.: Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина. СПб., 1859.

⁶² Малкин В. Указ. соч. С. 34.

ошибочно трактовать смысл споров иосифлян и нестяжателей, происшедших на рубеже XVI в. как решение «вопроса о землях» в пользу монастырей, а не скитов. Необходимо добавить, что вполне объяснимое незнание внутренних мотиваций, закономерностей и особенностей церковной жизни отличает практически всю послесоветскую краеведческую литературу по истории церкви.

Среди такой литературы можно назвать ряд работ балаковского журналиста Ю. Каргина: статья в альманахе «Памятники Отечества», «Старообрядцы на Иргизе» и небольшая брошюра «Царство иноков»⁶³. Обе работы не несут никакой новой информации по истории Иргизских монастырей, видимо, из-за отсутствия документального источника, пересказывая общеизвестные факты из жизни Иргизских обителей, без критического отношения со стороны автора. Так, в статье альманаха довольно большое внимание уделяется нелюбимым моментам из жизни иргизской братии, которые использовались представителями официальной церкви, например Добротворским, для антираскольнической проповеди, тогда как архивные документы не подтверждают самого главного обвинения в адрес обителей – нарушения седьмой заповеди, распутства⁶⁴. Однако наибольший интерес представляет небольшая публицистическая работа Ю. Каргина «Царство иноков», в которой позиция автора претерпела некоторые изменения в сторону более лояльного отношения к Иргизу. Здесь автор пытается строить собственные суждения относительно общеизвестных фактов. Так он предполагает, что основанный в 1365 г. в Кремле кафедральный Чудов монастырь и первый в Кремле с 1330 г. Новоспасский монастырь, которые владели богатейшими рыбными ловлями на территории нашего края, были старообрядческими. Ведя разговор о единоверии, в которое были обращены иргизские монастыри к середине XIX в., автор называет его «слиянием старообрядчества с православием, главным образом, в пользу последнего»⁶⁵, тогда как «пункты о единоверии» 1800 г. Московского митрополита Платона

---

⁶³ Каргин Ю. Старообрядцы на Иргизе // Памятники Отечества. Сердце Поволжья: альманах. 1998 №40 (3-4); *Он же*. Царство иноков: Краткий очерк истории Иргизских старообрядческих монастырей. Балаково, 2004.

⁶⁴ При восстановлении Средне-Никольского женского монастыря в 1997 г. действительно было найдено несколько тайных детских захоронений, однако, по всей видимости, все они относятся к 20-м годам XX в., когда на территории монастыря располагалась колония МОПР (Международная организация помощи революции). С другой стороны, А. Лебедев утверждает что «некогда из озера (озеро Калач, на берегу которого находился Верхне-Спасопреображенский монастырь – *авт.*) выловили неводом 41 детский скелет» (*Лебедев А.* Материалы для истории раскола в Поволжье. Краткий очерк истории Иргизских раскольнических монастырей. С. 36). Мнение о распущенности иргизской братии вообще является распространенным для трудов представителей официальной церкви: «Пьянство сопровождалось развратом: незаконные связи монахов с монахинями «не поставлялись в зазорную жизнь»; особенно много безобразий творилось летом, во время уборки хлеба, а также на гульбищах по большим праздникам» (*Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 137).

⁶⁵ См.: Каргин Ю. Царство иноков. С. 9.

предполагали наоборот практически полное сохранение староверческой обрядности с условием номинального подчинения Московскому патриархату⁶⁶. Допускает автор явные ошибки и непосредственно в истории Иргиза: так он пишет, что в 1805 г. в Верхне-Спасопреображенском иргизском монастыре «состоялся собор, который признал и утвердил право на название «православной», «соборной» только за иргизскими монастырями. «Вызов официальной церкви?»⁶⁷ – вопрошает автор. По всей видимости, имеется в виду собор иргизских староверов, действительно имевший место в 1805 г., однако речь на нем шла о подчинении довольно большого числа отступивших от установленных правил приема беглых священников, то есть о преодолении смуты на самом Иргизе, а не о противопоставлении себя православной церкви.

Совсем иной по характеру и информативности представляется работа вольского священника М. Воробьева «Православное краеведение». Это первый и очень удачный опыт обобщения церковной истории Саратовского края, в котором некоторое место занимает история старообрядчества и иргизских монастырей. Написанная живым языком работа Воробьева соотносит историю Иргиза с развитием религиозной ситуации в крае и может послужить учебным пособием по предмету «Церковная история Саратовского края». Развитие старообрядчества шло параллельно с историей православной церкви, их судьбы постоянно пересекались, глубоко влияя друг на друга. Наиболее ярко такое сосуществование можно рассмотреть именно в локальной картине отдельно взятого региона. Саратовский край предоставил М. Воробьеву для этого всю полноту информации.

После образования в 1850 г. Самарской губернии к ней перешли Новоузенский и Николаевский уезд, в котором находились иргизские монастыри. Также после окончательного закрытия обителей в первые годы советской власти большинство икон, монастырской утвари и книг пополнили коллекцию Самарского исторического музея и научной библиотеки. Это определило интерес со стороны самарских исследователей к истории Иргиза, однако характер изучения здесь несколько отличается от саратовского краеведения. В Самарском государственном архиве практически отсутствуют документальные материалы по истории Иргиза староверческого периода, поскольку он вошел в ведение Самарской и Ставропольской епархии уже в качестве единоверческих обителей. Таким образом, изучение истории

---

⁶⁶ См.: *Нильский И.О.* О единоверии // Христианские Чтения. 1870. Кн. 8, 1874. Кн. 11.

⁶⁷ *Каргин Ю.* Царство иноков. С. 13.

иргизского монашества ведется в Самаре в основном в направлении этнографическом или литературоведческом.

Именно такого рода работой стала статья заведующей отделом редких книг Самарской научной библиотеки А.М. Калядиной «Иргизские старообрядческие монастыри в XVIII–начале XIX века как один из важнейших центров книжной культуры Поволжья»⁶⁸, в которой предпринята попытка взглянуть на иргизские монастыри как на центр книгописания, для чего в качестве источника использовано «Описание рукописей Криволуцкого Воскресенского монастыря», составленное М.Н. Тихомировым в 1920 г.⁶⁹ Анализируя количество (к 1828 г. оно определяется по различным, часто противоречащим друг другу источникам, в 1000 экземпляров) и рукописное качество библиотеки монастырей, автор делает вывод о существовании на Иргизе крупного центра книгописания, культурно влиявшего на окрестное население. При этом, однако, забывается, что книги составляли один из самых распространенных, в связи с ценностью и компактностью, вкладов приходивших на богомолье в монастыри староверов⁷⁰. Также автор не совсем критически отнесся к утверждению Д. Дубакина, который писал: «Большое количество книг и рукописей в Иргизских монастырях для назидательного чтения, преимущественно с аскетическим характером содержания, может указывать на то, что процент грамотных монахов в этих монастырях был значительный и потребность чтения была здесь развита»⁷¹. Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что при всем скоплении насельников в монастыре было не так много если не грамотных, то тех, кто мог читать на церковно-славянском языке и знать крюковое, старообрядческое пение. Так, в марте 1829 г. настоятель Средне-Никольского монастыря, обращаясь за помощью к князю А.Б. Куракину, просил похлопотать об освобождении от рекрутской повинности инока Гавриила Филиппова в связи с тем, что он единственный «читать петь и писать достаточен и мальчиков всему этому научить может»⁷². В Средне-Никольском монастыре действительно была создана школа для обучения грамоте детей, однако уже в бытность его женской единоверческой обителью.

В 1994 г. в сборнике статей под общим названием «Самарский краевед» была опубликована статья А.С. Ряжева «Епископ Иаков о

⁶⁸ См.: *Калядина А.М.* Иргизские старообрядческие монастыри в XVIII – начале XIX века как один из важнейших центров книжной культуры Поволжья // Самарский край в контексте российской истории. Самара, 2001.

⁶⁹ См.: *Тихомиров М.* Описание рукописей Иргизских монастырей: Рук. 1924 / Отд. редких книг Самарской областной научной библиотеки.

⁷⁰ См.: *Добротворский И.М.* Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию. С. 395.

⁷¹ *Дубакин Д.* Иргизские раскольнические монастыри. С. 89.

⁷² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1832. Л. 1.

поволжских старообрядцах»⁷³. Основанная полностью на трудах Саратовского архиерея Икова (Вечеркова), статья интересна тем, что кратко раскрывает основные положения трудов Преосвященного, которые являются замечательным живым свидетельством истории Иргизских монастырей и окрестного старообрядчества, к тому же малодоступным для краеведов.

Итогом серьезной исследовательской работы С. Ряжева стала кандидатская диссертация⁷⁴, посвященная истории иргизских старообрядческих общин. Автор подробно рассматривает процесс колонизации староверами, пришедшими из-за границы, Саратовского Заволжья. Примечательно, что при этом была сделана попытка анализа государственной политики по отношению к старообрядчеству, в которой реэмиграция староверов, по мнению автора, использовалась властью в утилитарных целях заселения пустующих территорий империи.

Отдавая дань традициям советской историографии, Ряжев рассматривает раскол в виде протеста, однако намного шире общепринятого, доказывая, что устойчивость и активность развития старообрядческого движения «отражало не просто кризис способности господствующей церкви удовлетворить широкую общественную потребность в нравственных и религиозных императивах. Господство простонародной христианской аскезы в сознании крестьянского и, шире, сельского населения, означало, что народная культура России, вступившей в период просвещенной истории (который ознаменовался и введением начал веротерпимости в государственной политике), не находила серьезных точек соприкосновения с культурой официальной и все более замыкалась в себе»⁷⁵.

Краткая справка по истории Иргиза была дана в сборнике материалов «Монастыри Самарского края»⁷⁶, среди статей которого наибольший интерес представляет подборка фотографических снимков различных видов обителей из фондов Самарского епархиального церковно-исторического музея.

В 2004 г. в сборнике «Вопросы музыкознания и музыкального образования» была опубликована работа С.В. Полозова «Из истории прииргизского старообрядчества», в которой автор пытается хронологически проследить за существованием иргизских обителей

---

⁷³ См.: *Ряжев А.С.* Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед. Самара, 1994.

⁷⁴ См.: *Ряжев А.С.* Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII - первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

⁷⁵ *Ряжев А.С.* Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII - первой половине XIX в. С. 29.

⁷⁶ См.: *Монастыри Самарского края (XVI-XX вв.)*. Самара, 2002. С. 97-112.

вплоть до введения единоверия. В работе представлен замечательный свод статистических данных численности староверов в Николаевском уезде в основном по различным самарским изданиям. Однако изначальная путаница, когда вместо существовавших трех мужских (и двух женских) монастырей автор насчитывает на Иргизе четыре, по видимому определила многочисленные фактические ошибки. Так высказывание: «Право исправлять священников, приходящих от господствующей церкви... (за Иргизским староверческим сообществом – *авт.*) старообрядцы признали единодушно и повсеместно, и Иргиз приобрел ведущее значение во всем старообрядческом мире, ибо все старообрядческие общества неминуемо должны были обращаться сюда для получения священников»⁷⁷, – не совсем верно, поскольку так называемый «Собор Перемазовщины» 1779-1780 гг. на Рогожском кладбище в Москве происходил в условиях исключительного несогласия между собой присутствующих представителей различных беглопоповских согласий староверия, о чем красочно пишет участник Собора, неизвестный автор в «Сказании о Соборе перемазовщины 1779-1780 гг.»⁷⁸. Иргизский настоятель Сергей на Соборе не раз подвергался обвинениям в ереси и лишь поддержка со стороны московского старообрядческого сообщества в борьбе с насельниками Стародубских монастырей выдвинула его в число руководителей раскола.

Своеобразным итогом исследования истории иргизских старообрядческих монастырей стала диссертация самарской исследовательницы С.А. Обухович «Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX-начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края»⁷⁹, в которой значительное внимание уделено иргизскому центру староверия. Автор вполне обоснованно рассматривает этапы развития монастырей на Иргизе и в Хвалынске (скиты Черемшан) в зависимости от государственной конфессиональной политики по отношению к старообрядчеству. Подробно рассматривается период образования центров староверия и их уничтожения в результате репрессивной политики Николая I. Автор прослеживает тесную связь старообрядческих сообществ Иргиза и Хвалынска с купцами-староверами Саратова и Самары, а также отмечает большой вклад старообрядчества в культурную и

---

⁷⁷ Полозов С.П. Из истории прииргизского старообрядчества XVIII – XIX вв. // Вопросы музыкознания и музыкального образования. Новокузнецк, 2004. С. 28.

⁷⁸ См.: Сказание о Соборе перемазовщины 1779-1780 гг.: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://starover.boom.ru/sobor1779.html>. – Загл. с экрана.

⁷⁹ См.: Обухович С.А. «Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX-начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

политическую (относительно начала XX в., когда в условиях свободы вероисповедания староверы создали «Русско-демократическую (народная) партию христиан-старообрядцев», а также общественно-политический Саратовский комитет) жизнь не только края, но и всей России.

Таким образом, историография иргизских старообрядческих монастырей развивалась одновременно с расколоведческой литературой. Интерес к староверию в 60-е годы XIX в. вызвал написание работ, различавшихся, главным образом, в определении характера раскола: если в официально-церковных трудах староверие рассматривалось, прежде всего, как религиозное движение оппозиционно настроенное по отношению к никонианской церкви, то либералы XIX в. видели в нем народный бунт против религиозного, экономического и политического гнета. Также, начиная с трудов И.М. Добротворского и заканчивая изысканиями членов СУАК, дореволюционная историография саратовского старообрядчества постепенно отказывалась от субъективности, вбирала в себя все большее количество различных по характеру источников, теряя при этом морализм, присущий авторам, стоящим на позициях официальной православной церкви. Итогом дореволюционной историографии Иргиза стал труд Н.С. Соколова.

Историографию как советского, так и российского периода отличает, прежде всего, практически полное отсутствие понимания внутренних церковных закономерностей и явлений. Однако если советские авторы по отрицательной субъективности отношения к расколу были даже более нетерпимы, нежели дореволюционные историки официальной церкви, ярким примером чего может служить работа М.М. Шмуккера, то в постсоветской историографии прослеживается постепенный процесс идеализации истории иргизских монастырей. Исследователи стали использовать труды самих староверов в качестве источников, проявился яркий интерес к старообрядческому быту и культуре, которая представлялась как глубокое и единственно сохранившее древние традиции явление, о чем можно сделать вывод из статьи А.М. Колядиной.

При всем многообразии литературы, так или иначе затрагивающей историю иргизских старообрядческих монастырей, при изучении саратовского раскола на первое место выходят архивные документальные источники. Причем при изучении староверия в Саратовском крае наблюдается специфика документальной базы: практически все нарративные источники, которые были введены в

научный оборот в досоветский период уничтожены, либо малодоступны для саратовского исследователя. Однако неиспользованные до сих пор документы могут составить не менее полную историческую картину старообрядчества как в Саратовском крае вообще, так и на Иргизе в частности.

При написании данной работы были использованы архивные фонды Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Саратовской области, архива Самарской области, Вольского и Пугачевского филиалов ГАСО.

Первое документальное упоминание об иргизских монастырях в ГАСО относится к 1818 г. и принадлежит к первому фонду Канцелярии Саратовского губернатора. Сосредоточенные здесь материалы об иргизских старообрядческих скитах затрагивают, в основном, вопросы государственного надзора и наказания за проступки со стороны братии монастырей и староверов окрестных селений. Также немалое внимание уделяется исполнению государственного законодательства по отношению к староверам в Саратовской губернии, в том числе и в Иргизских монастырях: запрещение самовольного отлучения священников и иноков из монастыря⁸⁰, совершать богослужения по окрестным селам и учить крестьянских детей грамоте⁸¹ и др. Здесь же находится задокументированная статистика количества староверов в крае. Практически вся переписка губернского начальства с монастырями велась через вольских земских исправников, последние также информировали власти о состоянии дел в обителях. Как видно из анализа документов, такие отчетности исправников не всегда были объективны, а зачастую напрямую грешили против истинности. Почти всегда обращение начальственного взора на раскольнический Иргиз происходило после инициативы Саратовского архиерея, тогда как сама губернская власть почти никаких репрессивных мер по отношению к старообрядцам Иргиза самостоятельно не предпринимала.

При всем количестве дел об иргизских староверческих монастырях в первом фонде не имеется никаких данных о начальном периоде существования обителей до 20-х годов XIX в., что, по всей видимости, связано с неоднократной потерей документов архива в результате пожаров.

Еще более поздние, но совершенно отличные по характеру материалы хранятся в 135-м фонде Саратовской духовной Консистории (далее СДК). СДК открылась 30 декабря 1828 г. и согласно «Уставу о

---

⁸⁰ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49.

⁸¹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132, 281, 343.

Духовных Консistorиях» от 1841 г. под начальством Саратовского архиерея производила управление и суд по церковным делам в епархии. Высшая власть над СДК принадлежала Святейшему Синоду. Каждому члену СДК вверялся для наблюдения особый разряд дел (стол), но в слушании и решении дел принимали участие все члены. Во главе канцелярии стоял секретарь, утверждаемый Синодом по предложению Обер-прокурора.

СДК рассматривала рапорты священников о миссионерской деятельности, собирала сведения о будущих священниках и монахах, вела наблюдение за хозяйством архиерейского дома, церквей и монастырей (например, составляла описи имущества), проводила слушания по делам брака и церковных прегрешений, за что назначала епитимьи светским лицам. Однако в любом случае все решения окончательно утверждал архиерей.

В 135 фонде хранятся исключительно дела, касающиеся внутрицерковных вопросов: главным образом, отчеты православных миссионеров, которые действовали с проповедью не столько среди татарского или немецкого населения губернии, но в основном среди староверов (полный состав дел о миссионерской деятельности, начиная с ее учреждения в 1833 г., позволяют впервые составить представление об этом институте в Саратовской губернии⁸²), надзор за паствой со стороны церковного начальства, включая вопросы брака, перемены верований и др. Н.С. Соколов утверждает, что почти все дела Консistorии до 1836 г. были вольно или невольно уничтожены специальной архивной Комиссией, работавшей в Саратове в 60-х годах XIX в. Также автор упоминает о краже 5 000 дел консисторского архива в 1875 г.⁸³

Ранний период существования иргизских монастырей и вообще интереснейшая подборка не связанных между собой документов находится в 407-м фонде СУАК. Однако почти все они не использовались в ее трудах, что, по-видимому, связано с существованием в то время целого архива дел иргизских монастырей, остатки которого в настоящее время если не могут составить полную картину истории обителей, то несомненно способны добавить ее ценными замечаниями. Так, одним из любопытных моментов, который можно отметить из анализа документов 407-го фонда, является тесная связь насельников Иргизских обителей со многими дворянскими фамилиями Саратовской губернии: например, настоятель Нижне-

⁸² См.: *Наумлюк А.А.* Старообрядчество как объект миссионерской деятельности РПЦ в Саратовской епархии во второй трети XIX века // Историко-археологические изыскания. Вып. 8. Самара: изд. СГПУ, 2006.

⁸³ См.: *Соколов Н.С.* Указ. соч. С. XIX.

Воскресенского монастыря неоднократно обращался за помощью к князю А.Б. Куракину⁸⁴, а при обращении Средне-Никольского монастыря в единоверие монахи жаловались на притеснения графу Кочубею⁸⁵. Здесь же находятся исторические изыскания относительно раскола в Саратовском крае самих членов СУАК, что также представляет немаловажный фактический и историографический интерес.

Государственный архив Самарской области (далее ГАСамО) содержит лишь весьма ограниченное количество документов относительно иргизских монастырей в фонде 136-м – Канцелярия епископа Самарского и Ставропольского (1845-1915 гг.). Здесь хранятся материалы хозяйственного надзора за иргизскими обителями в бытность их единоверческими со стороны Самарского архиерея, то есть после образования Самарской епархии в 1850 г. Таким образом, почти вся масса документов 136-го фонда не соотносится с хронологическими рамками данной работы, однако из позднего описания хозяйственных и культовых построек, размера земель, находившихся во владении братии и т.д., можно сделать выводы об экономической деятельности монастырей. Наибольший же интерес среди материалов ГАСамО представляют отчеты проверок различных комиссий уже советского времени. Академиком М. Тихомировым оставлена рукопись «Описание Криволуцкого Воскресенского монастыря»⁸⁶, на 78 листах которой собрано описание 72 рукописей (11 из которых хранится в отделе редких книг Самарской областной научной библиотеки) из иргизских монастырей. В марте 1920 г. было составлено также описание с выводами хозяйственного значения Комиссии по обследованию монастырей⁸⁷.

Образование Самарской губернии и епархии во время, когда Иргизские монастыри уже перешли в единоверие, по всей видимости, определило наличие документов в ГАСамО лишь позднего периода их существования, однако материалы самарских исследователей и ГАСамО нельзя не учитывать при изучении исторической судьбы иргизского раскола.

Гораздо более интересными по малодоступности и неизученности представляются документы районных архивов наиболее приближенных, в отличие от Самары, а тем более Саратова, к самому Иргизу. Прежде всего, это филиалы ГАСО в Вольске и Пугачеве.

⁸⁴ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1833.

⁸⁵ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2275.

⁸⁶ См.: Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. 558-Р. Оп. 1. Д. 255.

⁸⁷ См.: ГАСамО. Ф. 558-Р. Оп. 1. Д. 44.

В Вольске вся переписка об иргизских монастырях перешла в 135-й фонд ГАСО, поэтому материалы о расколе можно найти лишь в фондах смежной тематики. Так, при анализе Первой Обывательской книги города Вольска (1786 г.) удалось сделать уточнение о времени появления на Иргизе самого знаменитого настоятеля Верхне-Успенского монастыря Сергия (Юршева)⁸⁸ – вопрос, который оставался без ответа до сегодняшнего дня. Данные вольской Обывательской книги любезно предоставила директор ВФ ГАСО.

Пугачевский архив, как наиболее приближенный к иргизским обителям, представлял наибольший исследовательский интерес, однако здесь, при существовании фондов по каждому монастырю в отдельности (фонд 20-й Нижне-Воскресенского мужского с. Криволучья Николаевского уезда монастыря; фонд 21-й Спасо-Преображенского мужского с. Пузановки Николаевского уезда монастыря; фонд 22-й Средне-Никольского женского г. Николаевска монастыря), хранятся документы также лишь позднего единоверческого периода существования монастырей. Среди них передаточные списки имущества монастырей, составленные при переводе обителей в единоверческое состояние, из анализа которых видно, сколько имущественных потерь – древних икон, окладов и утвари, принес монастырям насильственный переход в единоверие.

Немаловажной группой источников для данной работы стали воспоминания, различные по характеру и авторству. Так, для нового анализа знаменитого указа 1762 г. «О расселении старообрядцев, покинувших свое Отечество, на Иргизе и в других местностях России», основным источником послужили «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина»⁸⁹, которые также позволяют установить теснейшую связь восстания Е. Пугачева с братией иргизских скитов и самого предводителя восстания непосредственно с настоятелем Средне-Никольской обители старцем Филаретом. Вопросы внутреннего устройства монастырей и особенно соборы перемазовщины 1785 г., в результате которых Иргиз приобрел монопольное право на исправление беглых никонианских священников, переходящих в староверие, что позволяло им осуществлять богослужения, наиболее ярко раскрываются в книге самого известного настоятеля, «строителя» иргизских обителей иеромонаха Сергия (Юршева) «Зеркало для старообрядцев, не покоряющихся православной церкви». Собору

---

⁸⁸ Вольский филиал Государственного архива Саратовской области (ВФГАСО). ОДФ-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 401.

⁸⁹ Державин Г.Р. Указ. соч.

перемазовщины 1779–1780 гг. на Рогожском кладбище посвящено уже упоминавшееся «Сказание о перемазанском Соборе» неизвестного старообрядческого автора.

Несколько мемуарных записок касаются самого трагичного момента в судьбе иргизской братии – насильственного перехода в единоверие, осуществленное, как явствует из воспоминаний сына Саратовского губернатора П.А. Степанова⁹⁰ и протоиерея Г.И. Чернышевского,⁹¹ с помощью грубой силы – казачьих нагаек и пожарных брандспойтов при февральских морозах.

Таким образом, основная масса архивных документальных источников, использованных в работе, затрагивает поздний период существования иргизских монастырей. Лишь несколько дел 407-го фонда ГАСО (фонд СУАК) относятся к началу XIX в., а запись в Первой обывательской книге 1786 г. относительно появления на Иргизе иеромонаха Сергия является единственным документальным источником XVIII в. Однако источники, вошедшие в научный оборот благодаря трудам дореволюционных авторов, особенно членов СУАК, а также мемуарные свидетельства участников многих событий в жизни иргизских староверческих общин, позволяют не только пересмотреть многие до сих пор утвержденные данные, но и составить полную картину истории Иргиза как Всероссийского старообрядческого центра.

---

⁹⁰ См.: *Степанов П.А.* Взятие у старообрядцев Иргизского монастыря в 1836 г. // *Русская старина.* 1879. Т. XXIV. Кн. 3. С. 552-554.

⁹¹ См.: *Чернышевский Г.* Указ. соч.

Глава 2. Появление и развитие иргизского старообрядческого центра до введения единоверия

§ 1. Указ 1762 г. о переселении старообрядцев и основание иргизских скитов

По единодушному мнению историков раскола⁹² Саратовский край стал прибежищем для старообрядцев уже во второй половине XVII столетия, однако массовое поселение старообрядцев в этих местах началось в середине века XVIII. Прежде всего, это было связано с разрешением староверам занимать пустующие земли по рекам Большому и Малому Иргизу. С середины XVIII века здесь образуются знаменитые иргизские раскольничьи монастыри.

После поражения раскола в Соловецком противостоянии (1669–1676 гг.) северные староверы расселились по всей стране, а также перешли границу, основав в Польше в районе реки Ветки (владения пана Халецкого) крупнейший центр старообрядчества⁹³. С 1735 г. ветковские старообрядцы начинают испытывать постоянные притеснения со стороны гражданских властей, что закончилось полным разгромом монастырей в 1764 г. Поэтому неудивительно желание староверов вновь найти себе безопасное пристанище. Таким местом для притесняемых раскольников могли стать пустынные земли по берегам Иргиза. Место было выбрано не случайно. Первым исследователем, доказавшим, что саратовское Заволжье отчасти заселялось староверами еще с начала XVIII века, был член СУАК А.А. Гераклитов, нашедший подтверждение тому в ревизских сказках третьей ревизии⁹⁴, в которых, между прочим, содержались переписи беглых, составленные в конце 1763 г. коллежским асессором Лихаревым и симбирским воеводским товарищем князем Мещерским. В них указывалось, что еще в начале XVIII века на Иргизе собралось достаточное количество беглых крестьян, среди которых были также старообрядческие священники. В последующем сенатском указе о поселении раскольников на территории России прямо говорится «о более тысячи Российских подданных»⁹⁵, уже поселившихся на территории тогда еще Оренбургского Заволжья. В донесениях 1724-1727 гг. говорится о пойманных в окрестностях Иргиза 243 беглых раскольниках из

⁹² См.: *Воробьев М.* Указ. соч.; *Соколов Н.С.* Указ. соч.; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и в начале XVIII века. Одесса. 1882. Т. 2.

⁹³ См.: *Филарет, архиеп.* История Русской церкви. Изд. Сретенского монастыря, 2001. С. 634-635.

⁹⁴ См.: *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII веках. С. 335.

⁹⁵ Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. XVI: С 28 июня 1762 по 1765. С. 132.

живущих здесь скитников и крестьян⁹⁶.

Обжитые земли Иргиза, богатые рыбными и пашенными угодьями, находящиеся вдали от начальственного надзора, конечно, манили ветковских староверов. Однако инициатива переселения пришла с самого Поволжья. По воспоминанию известного поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина автором проекта поселения беглых староверов на Иргизе был крестьянин села Малыковки (ныне г. Вольск) Иван Серебряков⁹⁷. Державин познакомился с Серебряковым в Москве у своего знакомого саратовского помещика Максимова. Последний избавил Серебрякова от заключения в Московском остроге, соблазнившись обещанными кладами, якобы зарытыми в Польше сокамерником Серебрякова неким запорожским казаком Черняем. Кстати сказать, после начала Пугачевского восстания безвестный казак рассматривался властями как предводитель поволжской вольницы. Таким образом, имевший уже некоторые связи с польскими раскольниками, Серебряков указал правительству на иргизские земли, как наиболее подходящее место для средоточия русских людей, вынужденных покинуть свое Отечество. Настойчивость, а главное точность в указании места и времени предоставления проекта перед окончательным разгромом Ветки, заставляют согласиться с мнением, что Серебряков поддерживал связь и с польскими староверами, и с беглыми в самом Заволжье и действовал в соответствии с их интересами⁹⁸.

Имя Серебрякова в исследовательской литературе появляется не часто, однако именно при его участии беглым старообрядцам было позволено вернуться на Родину. На проект первоначально обратил внимание император Петр III, отправивший указ на рассмотрение в Сенат. Ответ не успел прийти из-за случившегося 28 июня 1762 г. переворота. Однако император, более лютеранин, нежели православный, довольно широких взглядов на религиозные вопросы, успел приготовить проект указа, по которому староверам отменялось всякое притеснение, им разрешалось вернуться на постоянное поселение в Отечестве, носить бороды и отправлять свои службы по дониконовским книгам.

Вошедшая на престол императрица Екатерина II начала с колонизаторской политики привлечения в Поволжье разного люда, имевшего желание поселиться в России. 14 октября 1762 г. вышел известный манифест «просвещенной царицы», по которому «как Нам

⁹⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6 (Николаевский уезд). Самара, 1889. С. 8-9.

⁹⁷ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 415.

⁹⁸ Воробьев М. Указ. соч. С. 15.

многие иностранные, равным образом и отлучившиеся из России Наши подданные, бьют челом, чтоб Мы им позволили в Империи Нашей поселиться: то Мы Всемилостивейше сим объявляем, что не только иностранных разных наций, кроме Жидов, благосклонное с Нашею обыкновенную Императорскую Милостию, на поселение в Россию приемлем, и наиторжественнейшим образом утверждаем, что им хотяб по законам и следовало учинить наказание, но однакож все их до сего преступления прощаем, надеясь, что они возчувствовав к ним сии Наши оказываемые Матерняя щедроты, потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества»⁹⁹.

До 1766 г. на Волге образовалось 104 иностранных колонии¹⁰⁰. В 1763 г. для разработки солевых месторождений о. Эльтон сюда приглашались малоросские чумаки. Наконец, 14 декабря 1762 г. вышел Сенатский указ, разъясняющий повеление императрицы относительно раскольников, пожелавших вернуться в свое Отечество. Указ был направлен исключительно к староверам, о чем прямо указывалось: «До сего бежавшими из своего отечества в Польше и в других за границею местах не малое число находится раскольников, которые, не имея понятие о силе законов, страшась притеснения или истязания, опасаются выходить; и по тому имея с Святейшим Правительствующим Синодом конференцию, за благо определил, сим Ея Императорскаго Величества указом, всем живущим за границею Российским раскольникам объявить, что им позволяется выходить и селиться особливыми слободами, не только в Сибири на Барабинской степи и других порожних отдаленных местах, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской Губерниях, на порожних же и выгодных землях, где полезнее быть может, и жить им и детям их»¹⁰¹.

Среди мест, отведенных под поселение, возле Саратова вернувшимся старообрядцам передавалось более 70 тысяч десятин плодороднейшей земли с различными угодьями. Здесь же впервые прозвучало и название Иргиза: «В Оренбургской Губернии по реке Сакмаре, в сорока верстах от Оренбурга, и вниз реки Самары от онаго ж в трехстах верстах до реки Канели, да ниже города Самары по реке Волге до устья речки Иргиза, и вверх по реке Иргизу, к поселению на несколько тысяч семей, весьма плодородные и выгодные земли имеются, на которых при устье большого Иргиза и по другим речкам более тысячи человек Российских подданных уже и поселилось»¹⁰².

⁹⁹ Полное собрание законов Российской Империи. С. 126-127.

¹⁰⁰ См.: *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII веках. С. 374.

¹⁰¹ Полное собрание законов Российской Империи. С. 130.

¹⁰² Полное собрание законов Российской Империи. С. 132.

Пограничному контролю запрещалось чинить какие-либо препятствия приходящим беглецам, их надлежало с новыми паспортами препровождать в Астраханскую губернскую или Саратовскую воеводную канцелярию, где с них брали подписку о несобращении в раскол и выдавали Открытый лист следующего содержания: «Указ Е. И. В. Самодержицы Всероссийской из Саратовской Воеводской канцелярии господам команду имеющим, до кого сей касаться будет. Дан сей отверстый указ вышедшим из Польши разных чинов людям, а именно (далее следует перечень имен) для того, что они желают поселиться в Астраханской губернии на дикопроезжих местах против села Малыковки при реке Большом Иргизе... В силу именных Е. И. В. Указов господам командуемым показанным из-за границы раскольникам... при поселении при реке Большом Иргизе против села Малыковки с женами и детьми никаких приметов и утеснений не чинить»¹⁰³. В самой Малыковке, к которой в административном отношении принадлежал Иргиз, староверов платежом зачисляли в дворцовые крестьяне и выдавали билет на заселение участка земли. Серебряков, получивший за свои заслуги в деле переселения старообрядцев место чиновника в Малыковской конторе, зачислял здесь не только пришедших староверов, но и за немалую мзду разных беглый люд, за что и поплатился несколькими месяцами острога.

Указ 14 декабря 1762 г. остался в литературе не более чем очередным этапом заселения Поволжья. Однако представляется, что именно он послужил основным источником для колонизации Саратовского края в XVIII веке. Так, за три года сюда пришло 6 с половиной тысяч семей иностранных колонистов¹⁰⁴, тогда как только в 1763 г. с Ветки на Иргиз отправилось, по переписи генерала Маслова, около 20 тысяч¹⁰⁵. Сюда следует прибавить непрерывный поток беглого населения, находившего в раскольничьей среде безопасное жительство. В окрестностях образовалось несколько старообрядческих селений: Криволучье, Балаково, Каменка и Мечетное (ныне г. Пугачев); и пять монастырей – три мужских и два женских.

Несмотря на то, что в краеведческой литературе сохраняется утверждение о том, что, по крайней мере, три мужских монастыря были образованы в 1762 г., сразу после выхода Указа императрицы, однако еще в 1805 г. саратовский губернатор Петр Ульянович Беляков (1802-1808 гг.), задумавший составить историческое и статистическое

¹⁰³ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII веках. С. 368.

¹⁰⁴ См.: Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII веках. С. 374.

¹⁰⁵ См.: Филарет, архиеп. Указ. соч. С. 784.

описание вверенной ему губернии и тщетно собиравший сведения через земских исправников¹⁰⁶, вполне обоснованно предположил в четвертом по счету письме вольскому исправнику Безобразову о «предоставлении ему сведений об иргизских монастырях», что «с 1762 г. начало монастырей, ныне существующих, совсем несовместно ни с правдою, ни с рассудком. Манифест о выходе из заграницы вообще всех иностранцев, кроме жидов, и позволении бежавшим из России возвратиться, издан 1762 декабря 4, а о выходе из заграницы и раскольникам особенно состоялся 14 числа. Привилегии им особенных, кроме прощения в вине побегов, непринуждении брить бороды и носить указное платье, дано не было; но повелено им на назначенных местах селиться наравне с прочими, живущими в России раскольниками селениями, с запискою в подушный двойной оклад. Следственно не могло быть ни выхода из Польши в 1762 году на Иргиз раскольников, ни заведения с того года монастырей; как в вашем описании сказано»¹⁰⁷. Действительно, трудно представить, что за несколько декабрьских недель из Польши на чрезвычайно удаленный тогда Иргиз смогли добраться старообрядческие иноки и основать здесь монастыри.

Однако далее в письме пытливый губернатор предлагает свою версию основания обителей, причем переносит время их основания на середину 70-х годов, обосновывая это тем, что «вышедшие из Польши раскольники, но отнюдь не в не монашеском платье коего долгое время в России явно носить не дерзали»¹⁰⁸, то есть обычные миряне гораздо позже, видимо из-за старости лет стали постепенно создавать монашеские поселения. Косвенно это подтверждается отсутствием Иргизских обителей в списке раскольников по губернии, плативших двойной оклад по делам Симбирской провинциальной канцелярии в 1778 г.¹⁰⁹

При согласии с невозможностью основать или даже наполнить существовавшие в 1762 г. монастыри следует указать, что при переселении староверов, покинувших Отечество до издания екатерининского указа, обратно в Россию им предоставлялась «от всяких податей и работ льгота на шесть лет»¹¹⁰. Но и с учетом данного положения указа основание первых монастырей должно было состояться не ранее 1763 г., тогда как практически все авторы, а также

¹⁰⁶ См.: *Духовников Ф.* Губернатор П.У. Беляков (1802-1807 гг.) // Труды СУАК. 1894. Т. IV. Вып. III. С. 5-8.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1597. Л. 1 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 2.

¹⁰⁹ См.: Там же.

¹¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. С. 130.

сами насельники обителей уже в 30-х годах XIX столетия называли гораздо ранние даты.

Всего было образовано три мужских и два женских монастыря.

Пахомиев-Филаретов скит (позднее Средне-Никольский монастырь напротив слободы Мечетной – нынешний г. Пугачев) по Добротворскому¹¹¹ (а вслед за ним и Попову¹¹²) был образован в 1764 г. Настоятель монастыря Корнилий в отчете на имя вольского земского исправника рапортовал в июне 1833 г., что основатели скита иноки Пахомий и Филарет явились из Польши с 16 товарищами после указа Екатерины II и «избрали себе жилищем теперешнее наше пребывание и назвали оное Пахомиевым скитом, начально выстроив себе в 1790 году с дозволения начальства холодную церковь во имя чудотворца Николая...»¹¹³. Таким образом, можно предположить, что основание скита было действительно довольно поздним, иначе приходится признать, что около 30 лет монахи пребывали без церкви, тогда как в соседнем Верхне-Спасопреображенском монастыре часовня появилась еще в 1764 г., алтарь же к ней был пристроен в 1780 г.¹¹⁴

Исаакиев скит (Верхне-Спасопреображенский монастырь) по данным Добротворского основан в 1762 г. (с чем соглашается и Соколов¹¹⁵). Настоятель обители Силуан в 1833 г. свидетельствует о том, что основал скит также вышедший из-за польской границы иеромонах Исаакий, приведший с собой 11 монахов и 14 бельцев¹¹⁶. Точно известно, что первая часовня здесь была построена в 1764 г., каковая дата представляется более вероятной и для основания самого монастыря.

О времени основания третьего мужского скита – Авраамиева (Нижне-Воскресенский) совершенно нет никаких документальных сведений, а все без исключения исследователи сходятся на дате издания Екатерининского указа. Устроителем обители в 32 км от села Балаково явился также пришедший из Польши инок Авраамий с 12 товарищами.

Нет никакой определенности и в вопросе основания женских скитов. Так, Соколов утверждает, что инокиня Маргарита («города Симбирска 2-й гильдии купца Матвея Ильина дочь»¹¹⁷) устроила свою

¹¹¹ См.: Добротворский И.М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их в единоверие. С. 384.

¹¹² См.: Попов Н. Сборник для истории старообрядчества. М., 1866. С. 51.

¹¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 97 об.

¹¹⁴ См.: Там же. Л. 76-76 об.

¹¹⁵ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 37.

¹¹⁶ Бельцы; белицы – послушники; послушницы. Часто молодые люди, которые готовились принять монашество, основная рабочая сила, с правом беспрепятственно покинуть монастырь, если переменят свое решение.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 28.

обитель в 1774 г.¹¹⁸, тогда как Добротворский называет 1762 г. В действительности, как свидетельствует настоятельница монастыря инокиня Надежда в 1833 г. (скорее всего знавшая Маргариту лично, поскольку последняя была жива еще в 1827 г.), Маргаритин скит (Покровский монастырь) был основан в 1774 г. на земле Верхне-Спасопреображенского мужского монастыря¹¹⁹.

Различия в данных насчет даты основания последней обители – Анфисина скита (Успенский монастырь) еще более разительны. Добротворский и Соколов, ссылаясь, по всей видимости, на несохранившийся архив братства Святого Креста, относят образование обители к 1783 г.¹²⁰, что никак не соотнобразуется с данными настоятельницы инокини Феофании, утверждавшей, что начало монастырю было положено в 1762 г. вышедшей из Польши инокиней Анфисой «в конце слободы Мечетной, на принадлежащей ей земле»¹²¹.

Таким образом, всех иргизских старообрядческих монастырей было образовано пять: три мужских (Нижне-Воскресенский-Авраамиев, Средне-Никольский-Пахомиев-Филаретов, Верхне-Спасопреображенский - Исаакиев) и два женских (Успенский – Анфисин, Покровский – Маргаритин). Женские обители, основанные на землях соседних мужских монастырей, как будет видно из анализа хозяйственной деятельности обителей, играли весьма несущественную роль в образовании иргизского старообрядческого центра, тогда как мужские и являются непосредственным предметом нашего исследования.

К 1765 г. по официальным данным в Авраамиевом скиту числилось 17 человек, в Пахомиевом-Филаретовом – 29, в Исаакиевом – 37¹²². Как пишет Соколов: «Вначале они, естественно, не представляли собой сколько-нибудь видного центра местного раскола: таких скитов и раньше не мало было рассеяно по лесам и ущельям Саратовского края»¹²³. Однако почти сразу после основания монастырские насельники, посчитав, что свобода богослужения распространяется и на строительство храмов, стали возводить сначала часовни, а после и церкви. Наличие храмов в любой старообрядческой обители рассматривалось на тот момент одним из признаков благополучия и, если угодно, некоторого благословения свыше. Однако полноценные храмы в староверческих монастырях были достаточно редки. Например, на Рогожском кладбище первая пятиглавая каменная

¹¹⁸ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 37.

¹¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 28 об.

¹²⁰ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 37.

¹²¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 56.

¹²² Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. М., 1884. С. 151.

¹²³ Соколов Н.С. Указ. соч. С. 41.

церковь появилась лишь в 1776 г.¹²⁴ Естественным образом наличие храма означало также экономическое развитие обители. Поэтому построение церквей стало насущной задачей иргизских скитов.

Оценивая значение образования иргизского старообрядческого центра для Саратовского края нельзя не признать, что указ 1762 г. явился одним из основных законоположений, на основе которого проводилась колонизация Заволжья. Однако практически это касалось лишь первой волны вернувшихся из Польши староверов, то есть тех, кто основал иргизские монастыри и прилегающие раскольнические селения. В дальнейшем сами обители стали притягательным местом паломничества для староверов России, селившихся либо в самих монастырях, либо в их окрестностях.

В русле же общегосударственной политики основание иргизского раскольнического центра вполне закономерно вписывается в религиозный рационализм Екатерины II, рассматривающей старообрядчество в виде крупного экономического потенциала страны.

---

¹²⁴ Юхименко Е.М. Указ. соч. С. 14.

§ 2. Деятельность иргизских монастырей до введения единоверия

Первую в честь Покрова Богородицы часовню на Иргизе построил в своем монастыре Исаакий в 1764 г. В 1780 г. к ней «по дозволению правительства» был пристроен алтарь¹²⁵, отчего часовня была освящена как храм в честь Введения Богородицы. Здесь же в 1783 г. была построена вторая церковь во имя Успения Божией матери. Пожар 1789 г. уничтожил эти деревянные церкви вместе почти со всеми монастырскими постройками. Взамен были построены в 1799 г. Введенская церковь, а в 1804 г. – Преображения Господня (тогда же была отстроена колокольня монастыря с часами И.П. Кулибина, на что императором Александром I было пожаловано 6 000 рублей¹²⁶). С этого момента монастырь стал именоваться Спасопреображенским, а по местонахождению относительно других обителей Иргиза – Верхним.

Несмотря на сложившееся мнение в расколоведческой литературе о том, что государственное правительство неизменно придерживалось линии притеснения староверия в своей церковной политике, анализ некоторых аспектов существования иргизского старообрядчества позволяет в некоторой степени пересмотреть такой упрощенный взгляд. Так, например, на восстановление сгоревших храмов Верхне-Спасопреображенской обители, как не без благодарности отмечают сами староверы, главным вспоможением стал богатый вклад императора Павла Петровича¹²⁷, составивший общей сложностью 12 000 рублей¹²⁸. История сложных взаимоотношений старообрядчества России с верховной властью только начинает получать достаточное освещение в исторической литературе¹²⁹, однако Поволжский регион до сих пор в данном отношении остается совершенно неизученным, притом что переплетение судеб государственных чиновников, саратовских губернаторов и российских императоров с судьбой Иргиза и всего староверия в Саратовском крае представляется крайне интересным.

Продворянски настроенная статья в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона рисует императора Павла Петровича человеком нервным и вспыльчивым, бессистемным в политике и необразованным в государственных делах, что никак не соотносится с довольно

¹²⁵ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 76.

¹²⁶ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 169.

¹²⁷ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 77.

¹²⁸ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 168.

¹²⁹ См.: Ершова О.П. Раскол и власть (отношения государства и старообрядчества в 50-60-е гг. XIX в.) Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 1991; Она же. Старообрядчество и власть. М., 1999; Боченкова И.Д. Государственная политика в отношении староверов в последней четверти XVIII – нач. XX вв. (на материалах Ярославского наместничества). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

высокой оценкой В.О. Ключевского: «В основе правительственной политики императора Павла внешней и внутренней лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие нашего полного сочувствия»¹³⁰. Также, анализируя правительственную деятельность в отношении церкви времени Павла Петровича, А.В. Карташев превозносит его «искреннюю религиозность», его «религиозно-теократические настроения»¹³¹. Однако факты, тут же приводимые историком, позволяют совместить обе точки зрения. Действительно впечатлительный император Павел сочувственно и даже поощрительно относился ко всем замыслам представителей архиерейской власти, среди первых из которых были его друг и учитель Московский митрополит Платон (Левшин) и Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов). Однако религиозность Павла была, пожалуй, еще более бессистемной¹³², чем прозападные тенденции Петра III. С одинаковой любезностью относясь как к православию, так и ко всем остальным религиям, император не делал различия между образованием новых семинарий и, например, созданием римокатолической капеллы в здании Пажеского корпуса.

Наиболее ярко отсутствие единой религиозно-церковной политики рисует дело об избрании обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.И. Хвостова в 1799 г., когда непонимание сущности этой должности позволило государю разрешить Синоду, а фактически его главе митрополиту Амвросию избрать себе руководителя.

Точно так же благосклонно, но без понимания относился Павел и к старообрядцам. Его поддержка сыграла огромную роль в развитии раскола на Иргизе, а Ф.В. Ливанов пишет о том, что император не различно встречался со старообрядческими общинами, например 20 ноября 1800 г. в Петербурге с главой столичных раскольников почетным гражданином И.И. Миловым, и помогал им материально¹³³. Однако каких-либо серьезных законопроектов в отношении староверов при Павле издано не было, кроме, может быть, указа 28 февраля 1801 г., по которому, чтобы перейти из раскола в православие, старообрядцы освобождались от штрафа и им нужно было всего лишь принести покаяние в церкви¹³⁴. Практически все свое недолгое царствование император Павел открыто покровительствовал Иргизу. В 1797 г. он предписывает действительному статскому советнику Павлу

¹³⁰ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 44. С. 550.

¹³¹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 552, 556.

¹³² См.: Григорьев С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 20.

¹³³ См.: Ливанов В.Ф. Указ. соч. С. 356-357.

¹³⁴ См.: Смолич И.К. Указ. соч. Примечания. С. 427.

Степановичу Руничу, другу Н.И. Новикова и будущему Владимирскому губернатору, «ехать вам в Узени и в прилежащие места, уверить начальствующих о моем к ним благоволении и о желании моем видеть их всегда в спокойствии и удовольствии»¹³⁵. Цель посещения монастырей совершенно неизвестна¹³⁶, однако сама поездка косвенно доказывает то, что отвергают почти все дореволюционные исследователи Иргиза¹³⁷ – что монастыри еще задолго до известной комиссии губернатора князя Александра Борисовича Голицына в 1827 г. были широко известны не только старообрядческому обществу России, но и правительству. После проверки иргизских монастырей в 1797 г. Рунич постоянно вникал во все дела обителей¹³⁸, а настоятель Верхне-Спасопреображенского монастыря Прохор стал личным другом к тому времени уже Владимирского губернатора¹³⁹. В 1798 г. насельники Иргиза пожаловались Руничу на притеснения со стороны губернского начальства. Рунич вновь прибыл в Саратов теперь уже с инспекцией не Иргиза, а губернатора В.С. Ланского. Дело вновь было решено в пользу монастырей. Наконец, 31 августа 1797 г. император, видимо после личных аудиенций с Прохором, «указом на имя Правительствующего Сената повелел: пребывающих в обителях старообрядческих Верхне-Успенского (Спасопреображенского – *авт.*), Средне-Никольского и Нижне-Воскресенского...из числа дающих рекрут освободить»¹⁴⁰. Таким образом, иргизские староверческие монастыри были поставлены в вопросе государственного служения на один уровень с православными обителями, что санкционировало законность их существования. Указ 1797 г. был пересмотрен лишь императором Николаем I.

Вопрос о взаимоотношениях не только Иргиза, но и всего староверия с государственной властью представляется крайне неоднозначным и требующим всестороннего изучения, что редко встречается в исследовательской литературе, особенно «простоарообрядческого характера».

---

¹³⁵ См.: Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1885. Т. I. Вып. I. С. 95.

¹³⁶ В литературе существует на данный счет лишь пересказ легенды Саратовского архиерея Иакова Вечеркова о том, что милость императора Павла к Иргизу началась после заступничества донского генерала Федора Петровича Денисова за заключенного за неповиновение властям инока иргизской братии Исаакия. (*Соколов Н.С.* Указ. соч. С. 165). Однако, даже если принять сам рассказ на веру, он никак не объясняет благоволение к Иргизу самого Руничу.

¹³⁷ *Мордовцев Д.Л.* Указ. соч. С. 86.

¹³⁸ Некоторым объяснением такой внимательности действительного статского советника к заволжским староверам может служить письмо Руничу от 1824 г. – то есть тогда, когда он уже ушел с государственной службы и чем-либо серьезно помочь инокам уже не мог: «От 1 октября протекшего года письмо ваше и осетра с боченком свежей икры я получил» (*Лебедев А.* Материалы для истории раскола в Поволжье. С. 8).

¹³⁹ Прохор, как явствует из свидетельства Соколова лично встречался с императором посредством все того же Руничу (*Соколов Н.С.* Указ. соч. С. 167).

¹⁴⁰ *Архангельский Н.А.* Из истории Иргизских старообрядческих монастырей. Л. 1.

В 1790 г. в Средне-Никольском монастыре была построена одноименная церковь, а в 1798-1799 гг., воспользовавшись покровительственным отношением к построению храмов императора Павла, настоятель Матфей Калмык освятил теплую церковь во имя Покрова Богородицы.

Обустройство монастырей после построек первых часовен началось продвигаться весьма быстро, чему способствовала поддержка со стороны государственной власти, а также «доброхотное жертвование от разных старообрядческих обществ, как-то: Казанского, Астраханского, Симбирского, Саратовского, Волгского, Хвалынского, Санкт-Петербургского, а более всего Московского, и казаков Уральского и Донского войск»¹⁴¹. Таким образом Иргиз в некоторой степени почти сразу после своего возникновения стал соперником Стародубья, Рогожского кладбища и других признанных староверческих центров.

Иргиз приобрел громкую известность в старообрядческом мире, в том числе, из-за стечения сюда разного беглого и разбойного люда¹⁴². При переходе через границу им достаточно было лишь назваться староверами, не помнящими родства, так как указ Екатерины распространялся лишь на беглецов, ушедших в Польшу до 1762 г., и с новым паспортом они попадали в Поволжье. Таким образом, в 1772 г. сюда пришел Емельян Пугачев. Участие иргизской вольницы в восстании Пугачева до сих пор практически не рассмотрено в литературе, тогда как Манифесты донского атамана в конфессиональном смысле направлены к старообрядцам, которых он обещал жаловать «крестом и бородой»¹⁴³. О личной связи Пугачева с иргизскими монахами свидетельствует Г.Р. Державин, тогда молодой гвардейский офицер, посланный на его поимку в Казань.

Появившись в Поволжье, Пугачев, желавший заручиться поддержкой влиятельных настоятелей Иргиза, для привлечения сторонников отправился к монахам, где сумел убедить игумена и одного из основателей Нижне-Воскресенского монастыря старца Филарета благословить его на царство с именем императора Петра III взамен на патриаршее место после победы над правительством. Имя Петра III было выбрано не случайно. Старообрядцам, да и многим монастырским крестьянам, он запомнился как датель различных вольностей и усмиритель властолюбивых никонианских архиереев¹⁴⁴.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 77.

¹⁴² По свидетельству *А.Н. Минха* в его рукописи «Материалы для истории раскола в Саратовском крае» «эти монастыри служили приютом беглым, бродягам, иногда и преступникам» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 783. Л. 1)

¹⁴³ *Герасимов А.А.* Обзор «Пугачевских» дел из Астраханского губернского архива // Труды СУАК. 1913. Вып. 30; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 175.

¹⁴⁴ См.: *Воробьев М.* Указ. соч. С. 20.

Поддержка иргизских старцев оказалась как нельзя кстати, поскольку Пугачев в Малыковке был схвачен за преступные речи самими жителями (под предводительством старообрядца, известного откупщика и почетного гражданина В.А. Злобина) и отправлен в Казанский острог, откуда смог бежать лишь с помощью староверов¹⁴⁵. Пугачев отправился на Яик за яицкими казаками, где объявил себя Петром III, благословленным на царство старцем Филаретом.

История охоты за Пугачевым связана с уже знакомым именем Серебрякова. Отбыв несколько месяцев в остроге, Серебряков явился к марте 1774 г. к Державину и предложил свой план поимки предводителя бунтовщиков¹⁴⁶. По его мнению, бунт скоро будет подавлен и Пугачев придет искать убежища на Иргизе, где и будет возможность его схватить. Державин согласился и 10 марта отправился в Малыковку, где ждал предводителя бунтовщиков. Однако восстание не прекращалось и Державин решил хотя бы поймать старца Филарета. Было послано предложение спасти инока от полиции за две тысячи рублей, однако дальновидный старец под именем Афанасия бежал к единоверцам в Костромскую губернию, где в одном из скитов спокойно дожил оставшиеся дни своей жизни¹⁴⁷.

Несмотря на явную связь Пугачевского восстания с Иргизом власти не обратили на него практически никакого внимания, а императрица Екатерина лишь предписывала наблюдать за проходящими в обители¹⁴⁸. Монастыри строились и обзаводились хозяйством. Несмотря на запрещение старообрядцам строить каменные церковные строения (считалось, что раскол с уничтожением от времени деревянных церквей и часовен исчезнет сам собой), иргизские монастыри содержались богато: трапезные и настоятельские покои строились, также как и стены вокруг скитов, из кирпича, на что неоднократно обращало внимание саратовских церковных властей, безуспешно пытавшихся добиться принятия мер у губернского начальства¹⁴⁹. Показательна, в данном случае (конечно, случай позднего времени – 30-х годов XIX в., однако характерен во взаимоотношениях церковных и гражданских властей для всего периода существования губернии), практически полная инертность по отношению к распространению раскола среди населения гражданских

---

¹⁴⁵ См.: Пушкин А.С. История Пугачевского бунта. СПб., 1838. С. 176.

¹⁴⁶ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 478.

¹⁴⁷ Добротворский И.М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их в единоверие. С. 387-388.

¹⁴⁸ Рассказы иргизских староверов указывают на несколько карательных экспедиций, связанных с делом Пугачева, в монастыри, однако документально это нигде не подтверждается.

¹⁴⁹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136.

губернских властей. Преосвященный Иаков, согласно донесению благочинного Волгской округи протоиерея Тимофея Иргизова, сообщал губернатору Ф.Л. Переверзеву об «учинении каменных построек: в Верхнем Преображенском, впереди алтаря церкви не в весьма дальнем расстоянии башня порядочной высоты с высоким шпилем и позлащенным яблоком, присоединенная к давно уже построенной одноэтажной храмине для хранения церковной утвари; на сей башне поставлены и производятся в порядок боевые часы, для которых имеется быть повешено до семи колоколов...»¹⁵⁰. Подобные письма Иакову пришлось написать четырежды и лишь его обращение непосредственно в Министерство внутренних дел заставило Переверзева обратить внимание на нарушения существующего законодательства.

Вообще, как уже указывалось, связи иргизских насельников с сильными мира сего и особенно Саратовской губернии сложились самые крепкие. Местные влиятельные лица не раз становились защитниками интересов раскольничьих общин. Так, настоятель Нижне-Воскресенского монастыря Никифор (Збретиев) обращался в 1829 г. к князю А.Б. Куракину с просьбой ходатайствовать об освобождении 8 монастырских работников, заключенных в тюрьму¹⁵¹. В 1803 г. граф В. Кочубей прислал письмо новгородскому митрополиту Амвросию (Орнатскому), из которого явствует, что Кочубей явился заступником нижегородских староверов, просивших официально разрешить им вызывать священников с Иргиза. Граф обратился непосредственно к императору и добился такого разрешения¹⁵².

Основной силой монастырей на тот момент стали крепкие связи, установившиеся не только с местным, но и всероссийским старообрядческим купечеством. Официально же главный экономический достаток Иргиза составляли земли, намежеванные по указу 1762 г. Практически полная самостоятельность монастырей подтвердилась после межевания окрестных земель землемером Дубиным в 1801 г., когда Сенат подтвердил количественные изменения, происшедшие против межевания 1799 г. землемером Лаптевым¹⁵³. Причем если в 1799 г. Рунич сумел помочь братии получить почти 15 тысяч десятин земли, то в 1801 г. было отмежевано лишь 12 с половиной тысяч, однако, на удивление Сената, «по обоим планам фигура окружной местности в главных линиях» оказалась

¹⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 1.

¹⁵¹ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1833. Л. 1 об.

¹⁵² См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1589. Л. 1 об.-2.

¹⁵³ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 80-84.

сходной¹⁵⁴.

Не ранее 1827 г. саратовское миссионерское Братство Святого Креста составило подробное «Статистическое описание старообрядческим мужским и женским, всего пяти, монастырям, состоящих Вольского уезда, в луговой реки Волги стороне». Описание это, по всей видимости, было уничтожено и известно лишь благодаря А. Лебедеву, издавшему в 1911 г. по его выражению: «*первое по времени*, насколько нам известно, описание этих монастырей, письма помянутого Рунича...а также другие документы,...что имеет интерес, именно, как *первая работа об Иргизе*»¹⁵⁵.

В упомянутом описании по поводу владения земель Верхне-Спасопреображенским монастырем указывается, что «землею начально до 1790 года владели монастырские жители черезполосно, с удельными крестьянами слободы Мечетной; в 1790 году намежевано было саратовским уездным землемером Поповым по течению на левой стороне реки Иргиза в единственное владение монастыря...Итого: удобной 7 522 дес. 841 саж.; неудобной 790 дес. 740 саж.»¹⁵⁶. Следует, однако, учитывать, что землею этой пользовалась также женская Покровская обитель, имевшая «под поселением своим около четырех десятин, да под огородами и бахчами десятин до пятнадцати или более»¹⁵⁷. Кроме пашни, которую использовали как сами иноки, так и в виде арендаторов удельные и казенные крестьяне соседних Порубежки, Давыдовки, Мечетной и т. д., у монастыря имелись сенокосы, две мельницы (водяная на озере Калач и ветряная), две кузницы, 79 братских келий, два хлебных магазина, пять колодцев, сад и хутор для хранения припасов, выстроенный в 1780 г.¹⁵⁸ О богатстве монастыря можно судить из числа скота: крупнорогатого – 105 голов и лошадей – 67¹⁵⁹. В храмах монастыря «образов...и церковной утвари весьма достаточно – ковчег на престоле серебряный, густо вызолоченный, стоящий тысячи рублей; а сосудов, паникадил, евангелий, крестов и риз на образах серебряных с черностью (sic.), камнями и жемчугом, густо вызолоченных, и ризниц – всего примерно на сорок тысяч рублей»¹⁶⁰.

В одном достаточно позднем документе из фонда Верхне-Спасопреображенского монастыря есть любопытная запись – краткая история монастыря, так сказать в лицах его настоятелей: «В монастыре

¹⁵⁴ Там же. Л. 83 об.

¹⁵⁵ Лебедев А. К истории старообрядчества на Иргизе. С. 1-2.

¹⁵⁶ Там же. С. 4.

¹⁵⁷ Там же. С. 12.

¹⁵⁸ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 77 об.

¹⁵⁹ См.: Лебедев А. К истории старообрядчества на Иргизе. С. 4.

¹⁶⁰ Там же. С. 3.

ризнице хранится древняя малая деревянная Церковь о восьми главах, в которой при покорении татарами Москвы, совершались христианами Св. Тайны, и плащаница золотом серебром и шелком шитая в 7039 году после Авраамия был настоятелем инок Адриан (в 1791 купец Вольский Злобин сделался инок Прохор и был настоятелем), потом был Прохор, потом до 1820 г. инок Никонар, с 1820 года настоятелем был второй раз Прохор до 1827 г. настоятелем был инок Никанор, он с братиею 14 человек в том числе 9 иноков, а прочие послушники, приняли в 1829 г. единоверие, и настоятель Никанор был в 1830 г. рукоположен в иеромонаха, а бывший настоятель Прохор единоверия не принял и с некоторыми иноками жил в слободе Криволучье, в 1832 г. увещевал их Игумен Платон, но они не послушались и указом Саратовской Духовной Консистории исключены из Воскресенского монастыря и отданы мирским властям, которые их изгнали из Криволучья»¹⁶¹. Интересно здесь легендарное упоминание Василия Алексеевича Злобина, ставшего по свидетельству неизвестного автора иноком Прохором и возглавившим монастырь. По всей видимости, щедрый меценат иргизского старообрядчества, умерший в 1814 г., принадлежал если не к православию, то к единоверию¹⁶², настолько запомнился насельникам обители, что со временем образовалась подобная легенда, бытовавшая, кстати, и в Вольске.

Верхне-Спасопреображенский монастырь являлся все же самым богатым на Иргизе, однако и остальные не намного уступали ему в хозяйстве. Средне-Никольскому, вместе с женским Успенским монастырем, принадлежало после межевания 1801 г. всего около 1 653 дес. земли: пашни, сенокоса, леса, солонцов и т.д.¹⁶³ При монастыре находился «богато убранный из чистого мрамора на четырех колоннах, с позолоченным куполом, памятник, вокруг с толстою чугунную решеткою, стоящий, по словам бывшего настоятеля Сергия и прочих монахов, тридцать тысяч рублей»¹⁶⁴.

Во владении Нижне-Воскресенского монастыря находилось всего 2 060 дес. земли, однако именно эта обитель стала главным поставщиком священников для всей староверческой общины, что обуславливает необыкновенно богатое убранство церквей, существование больницы и библиотеки в 450 томов рукописных и старопечатных книг¹⁶⁵.

¹⁶¹ Пугачевский филиал Государственного архива Саратовской области (ПФГАСО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

¹⁶² См.: ГАСО. Ф. 849. Оп. 1. Д. 159. Л. 87.

¹⁶³ См.: Лебедев А. К истории старообрядчества на Иргизе. С. 6.

¹⁶⁴ Лебедев А. К истории старообрядчества на Иргизе. С. 5.

¹⁶⁵ См.: Там же. С. 9.

Не считая дохода от земли и рыбных угодий, Иргизские монастыри постоянно получали богатые дары от именитых купцов Волгска и Саратова: В.А. Злобина, Расторгуевых, Волковоиновых. Неудивительно поэтому, что экономическое и идейное влияние Иргиза на окрестных жителей постоянно возрастало. Об этом можно судить, сравнив численность старообрядческого населения до и непосредственно после приведения Иргиза в единоверие.

По свидетельству Н.В. Варадинова, автора «Истории Министерства внутренних дел», число староверов в Саратовской губернии в 1826 г. составляло 50 931 чел., а в 1827 г. – 51 411 чел.¹⁶⁶. В 1833 г. в связи с указом Правительствующего Синода о введении в Саратовской епархии Миссии для приведения раскольников к православной церкви была затребована ведомость о численности староверов по всей губернии. Вывод получился для церковного начальства неутешительный (табл. 1).

Таблица 1

Численность старообрядцев Саратовской губернии
в 1833 г. по уездам¹⁶⁷

	<i>Поповцы</i>		<i>Поморский толк (беспоповцы)</i>		<i>Спасовцы</i>		<i>Перекрещенцы</i>	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Саратов</i>	758	854	397	536	9	16		
<i>Саратовский уезд</i>	144	175	454	438	29	44	30	72
<i>Волгск</i>	2178	2502	54	65				
<i>Волгский уезд</i>	4248	4459	121	160	193	212	85	111
<i>Хвалынск</i>	812	972						
<i>Хвалынский уезд</i>	4968	5329	17	28				
<i>Царицын</i>	13	15	27	27				
<i>Царицынский уезд</i>	728	823	115	120		2		

¹⁶⁶ См.: Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1862. С. 157-158.

¹⁶⁷ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 6-11.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Петровск</i>								
<i>Петровский уезд</i>								
<i>Сердобск</i>	4	1	24	27				
<i>Сердобский уезд</i>	1153	1314	24	31	255	284		
<i>Камышин</i>	1							
<i>Камышинский уезд</i>	173	215	629	692				
<i>Аткарск</i>	1							
<i>Аткарский уезд</i>	1079	1200	7	9	4	36		2
<i>Балашов</i>								
<i>Балашовский уезд</i>	764	800						
<i>Кузнецк</i>	349	448						
<i>Кузнецкий уезд</i>	201	340					6	21
Всего по епархии	17574	19447	1895	2148	666	816	121	206

/Таблица составлена автором по материалам ГАСО/

Большинство раскольников Саратовской губернии принадлежало к поповскому толку, то есть к тому же, которого придерживалась и иргизская братия. К тому же наблюдается рост староверов в городах, находящихся ближе к раскольниковому центру: Вольск, отстающий от Иргиза всего на 60 верст, стал средоточием близ живущих старообрядцев, а в Царицыне, находящемся почти на полтысячи верст, раскол вовсе не смог укрепиться. Всего местные власти насчитали в губернии 42 873 старообрядца.

В 1839 г., то есть тогда когда Иргизские монастыри были приведены в единоверие, численность староверов по губернии еще более возросла. В Саратове – 3 183 старообрядца, в Вольске – 5 123, в Камышине – 261, в Царицыне – 46¹⁶⁸.

Почти через 50 лет, в 1886 г., саратовские миссионеры, на основании отчетов приходского духовенства, составили подробный

¹⁶⁸ См.: Леопольдов А.Ф. О расколе по Саратовской епархии. 1839. С. 5.

отчет, в котором была представлена статистика раскола по приходам епархии. В итоге выяснилось, что приверженцев австрийского толка в губернии – 26 261 человек, беглопоповцев – 26 259, поморцев – 32 025, спасовцев – 23 578, а всего, вместе с федосеевцами, филипповцами и странниками, – 126 036 староверов¹⁶⁹.

Такому росту числа раскольников есть объяснение. Как явствует из доклада протоиерея Г. Чернышевского, отца известного писателя Николая Гавриловича Чернышевского, об отправившихся в Закавказский край после разгона иргизских монастырей монахах, далеко не все насельники разгромленных обителей были высланы, а большая часть их с помощью своих единоверцев тайно расселилась по всей губернии, что привело к еще большему расширению раскола¹⁷⁰. Необходимо также отметить, что Иргиз на все неблагоприятное для староверия законодательство отвечал активной миссионерской деятельностью, пропагандирующей раскол в основном среди местного населения¹⁷¹, что не раз вызывало безуспешный протест со стороны епархиального архиерея¹⁷².

Но до разгона братии было еще далеко, и наибольшего развития Иргиз достиг при самом известном своем настоятеле, иноке Сергии Юршеве. В Вольском филиале ГАСО в Первой обывательской книге города от 1786 г. была обнаружена любопытная надпись, позволяющая уточнить дату появления Сергия на Иргизе: «Раскольнический монах (Сергий) вышедший из-за Польской границы по силе и всемилостивейшему Манифесту, присланному из Саратовского наместнического правления по определению в посадские города Вольска Сергия в 1781 г. от роду ему 36 лет.

Дому в городе Вольске не имеет жительство в Вольской округе Иргизской волости в раскольническом Успенском монастыре что на Иргизе.

Пропитание имеет от работ там же.

В утверждение своего состояния преподавал следующее доказательство:

1-е. Подлинно он в городские посадские жители с 78-го года что значится по делам в Вольском городском магистрате.

---

¹⁶⁹ См.: Современный раскол: Повременные выпуски. СПб., 1903. С. 146.

¹⁷⁰ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 172. В Закавказье отправились монахи Средне-Никольского монастыря.

¹⁷¹ Вообще мнение о некоторой «закрытости» старообрядчества не совсем объективно, поскольку ранее староверие было направлено в большей мере на распространение раскола: «Чем шире распространялась старообрядческая деятельность, чем больше областей она охватывала, чем охотнее старообрядцы шли навстречу обществу, не поступаясь верой, тем больше росло и влияние древлеправославия. В этом один из секретов так называемого «золотого века старообрядчества» (См.: *Дзюбенко М.А.* О древлеправославном миссионерстве // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2005. Т. II. С. 58).

¹⁷² См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. Д. 181. Л. 1 об.

2-е. Значился написанным в полную во внешнюю 4-ю ревизию»¹⁷³. Сын известного московского купца старообрядца Сергей, воспользовавшись льготами екатерининского указа, сумел пронести из Польши в Россию в 1776 г. (по общепризнанной точке зрения) походную складную церковь, предусмотрительно записав ее в паспорт, что впоследствии дало ему возможность обустроить церковь в монастыре. Исследователи раскола в Саратовском крае, вслед за крайне тенденциозным митрополитом Макарием, утверждают, что вместо церкви Сергей пронес через границу пустой холст, намотанный на палки, поскольку уже тогда имел намерение сделаться главою всей иргизской общины¹⁷⁴, пусть даже обманом. Однако последующие действия Сергия, в частности долгое противостояние с другими настоятелями по поводу перемазовщины, позволяют предположить, что Сергей действительно принес на Иргиз складную церковь, однако никакого плана на дальнейшее у него не было.

Так или иначе, сумев с помощью богатых подношений заручиться поддержкой местных властей, Сергей сполна воспользовался открывшимися возможностями и выстроил в 1780 г. первую на Иргизе полноценную церковь¹⁷⁵, освященную по всем правилам староверия. Российское законодательство запрещало строить старообрядцам новые церкви (что, однако, никоим образом не останавливало свободолюбивую братию Иргиза), и храм стал общероссийской раскольничьей святыней. В том же 1780 г. Сергей установил окончательное господство иргизской общины над всеми центрами староверия в России, установив монополию на «производство» священников.

После никоновской реформы к старообрядчеству не присоединился ни один епископ, кроме, может быть, Павла Коломенского, замученного в Палеостровском монастыре. Поэтому вопрос о пополнении священства стоял в расколе всегда очень остро. Часть наиболее здравомыслящих староверов предложила принимать беглых попов никонианской церкви, для чего был составлен особый обряд проклятия «никонианской ереси» и изготовлено в Москве святое миро для перемазывания приходящего священства. Сам процесс мироварения и последовавшее за этим разделение старообрядчества на принявших его и отвергнувших описаны самим Сергием, присутствовавшим при этом, судя по его собственным воспоминаниям,

¹⁷³ ВФГАСО. ОДФ-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 401.

¹⁷⁴ См.: Макарий, митр. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1889. С. 405.

¹⁷⁵ См.: Воробьев М. Указ. соч. С. 19.

пока только простым наблюдателем¹⁷⁶. Однако недавно найденная рукопись неизвестного свидетеля Перемазанского Собора 1779–1780 гг. позволяет сделать вывод о том, что уже тогда Сергей, поддержавший Московскую общину в споре с Керженскими насельниками (старообрядческие скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии), достаточно активно выступал на заседаниях, удачно играя на противоречиях сторон¹⁷⁷.

Раскольничьи общины, различным образом принимавшие беглое священство (на Ветке иерея погружали в крестильную купель во всем облачении и мазали миром самолично сваренным попом Феодосием; Керженские староверы мазали попов миром, якобы оставшемся еще от патриарха Иосифа, то есть сваренным до раскола), конечно, не могли просто так согласиться на унификацию обряда, и, что самое главное, на утверждение московской общины Рогожского кладбища во главе всего раскола, приемлющего священство. Именно Сергию, теперь уже главному действовавшему лицу, было поручено написать обоснование перемазовщины, то есть помазания приходящих священников миром для принятия в раскол. Однако в качестве мира было выбрано керженское масло патриарха Иосифа, а Иргиз в честь заслуг Сергия перед всем расколом стал центром и монополистом поставления попов для всего старообрядчества. На самом Иргизе резкое возвышение Сергия вызвало неудовольствие у других настоятелей, однако их борьба закончилась полной победой предприимчивого монаха.

Долгое время иргизская исправа Сергия работала настолько интенсивно, что фонды ГАСО содержат практически ежегодное запрещение допускать в монастыри беглых священников¹⁷⁸. Так, епископ Иаков обратился в 1834 г. к Саратовскому губернатору Ф.Л. Переверзеву с требованием «ловить бродящих беглых священников и предоставить их в Духовные Правления, или в Консисторию, следует строго воспретить тем священникам разъезжать по селениям; а начальникам Иргизских раскольнических монастырей выдавать им вышеупомянутые книги (записные книги для отчета о проделанной работе, которые выдавались настоятелем монастыря уходящему для исполнения треб священнику – *авт.*) и виды для проходов»¹⁷⁹. Приходящие священники после перемазывания рассылались по старообрядческим общинам Урала, Сибири, да и всюду, где за них могли заплатить немалые деньги, после чего

¹⁷⁶ См.: *Сергий, иером.* Указ. соч. С. 74–82.

¹⁷⁷ См.: Сказания о Соборе перемазовщины 1779–1780 гг.

¹⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159, 161 (1835 г.), 181 (1836 г.).

¹⁷⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. Л. 1 об.

церковное и гражданское начальство пыталось их ловить по всей стране, как это было в 1818 г. со священником Матвеем Афанасьевым, которого по запросу Пермской Духовной Консистории пытались разыскать на Урале и в Поволжье¹⁸⁰.

Интересно, что противное всем православным предписаниям (по шестому правилу Антиохийского Собора¹⁸¹) дело принятия беглых священников с тем, чтобы через миропомазание переводить их в раскол на Иргизе, объясняли следующим образом: «Правила сия Святого Собора почитаем и лобызаем и повинуемся им. Но они запрещают таковых, которые от пастырей своих отступают, будучи в запрещении, пастыри же и не малого за собою имеют порока в противном же случае запрещают, так гласит Правило Сардинского Собора ДІ (14 – *авт.*). Без правды епископ изгнан аще и в чуждем пределе пребывает, приятен бывает, данеже досаждение мимо идет»¹⁸², чем прямо обвиняли православную церковь в несоблюдении «правды», и оправдывало нарушение ее правил.

Кроме московской старообрядческой Рогожской общины в расколоведческой литературе не встречается ни одного документа о правилах управления староверческими монастырями. В отношении Иргиза ситуация та же самая – исследователи ограничиваются лишь утверждением того, что монастыри были устроены на общежительных началах (то есть имущество обители было общим) и в административном отношении подчинялись саратовской удельной конторе. Однако в одном архивном документе 1806 г. фонда СУАК, относящемся к совершенно другому вопросу самоуправления настоятеля Нижне-Воскресенского монастыря, который истязал иноков «без всякой нужды и вины»¹⁸³ (почему, вероятно, исследователи и не обратили внимания на дальнейшее продолжение дела) имеется ряд правил, то есть устав монастырского жительства, принятый общим собранием¹⁸⁴. В виду важности и неисследованности вопроса приведем устав, относящийся, кстати, непосредственно к настоятелю, а не всей братии, полностью:

1. Всеми силами пещись о братии.

2. Иметь при себе 12 человек из братии для совета, без которого не делать никаких дел.

¹⁸⁰ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-8.

¹⁸¹ См.: Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. Репринт. изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 428.

¹⁸² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1424 а. Л. 29 об.

¹⁸³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1617. Л. 1.

¹⁸⁴ См.: Там же. Л. 1 об. По всей видимости, это не первый монашеский устав на Иргизе, поскольку был составлен, как указывается, по примеру Верхне-Спасопреображенской обители.

3. В церквах иметь кружку с подающими, которые идут исключительно священникам.

4. Если кто из братии станет виновным, то его кормить, воли не лишать, а наказывать лишь по определению с советом.

5. Все суммы подношений поступают к настоятелю, но шнуровые книги прихода-расхода проверяют старцы.

6. Для получения подношений в письмах назначить особого поверенного, который будет их получать, записывать в книги, передавать настоятелю, а тот передает казначею или уставщику церкви.

7. Приходящих на богомолье или для житья ни под каким видом без Совета не принимать.

8. Для приезжих казначей выделяет все потребное.

9. Без Совета и казначей настоятелю никуда самовольно не ездить.

10. Трата денег настоятелем лишь после согласия Совета и казначей.

11. Если кто-то из братии окажется виновным в преступлении выдавать того в присутственные места по желанию всей братии.

12. Излишнего скота не держать, а для ухода за ними держать соответственное число работников.

13. Если настоятель не будет все это исполнять, Совет доносит об этом другим настоятелям, если же настоятель не подчиняется избирается новый»¹⁸⁵.

Устав, как явствует из подробного регламентирования поступающих от добровольных дателей средств, заботился в первую очередь о финансовом благополучии обители. Также характерно желание Совета выборных старцев контролировать любые действия настоятеля. Однако такой важный вопрос, как выдача преступников решается, как и во времена Е. Пугачева, всеобщим собранием всех насельников.

Ко времени царствования императора Николая I Иргиз в экономическом, через свое превосходное хозяйственное состояние, и идеологическом, через монополию «производства» священников для староверов России, стал крупнейшим старообрядческим центром. Несмотря на это, здесь видимо так и не сложилось какой-либо художественной или рукописной школы (кроме, разве что, певческой культуры¹⁸⁶), как это случилось, например, со Стародубьем или Керженцом. Экономическая деятельность Иргиза, тесно связанного с раскольничьим купечеством края (особенно Вольска и Саратова),

¹⁸⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1617. Л. 2-2 об.

¹⁸⁶ См.: *Полозова И.В.* Певческая культура старообрядцев Иргиза // Вопросы музыковедения и музыкального образования. Новокузнецк, 2004.

затмила всякую остальную. Этому в немалой степени способствовали установившиеся тесные связи с представителями местной и государственной власти, что наиболее ярко проявилось во взаимоотношениях Иргиза и императора Павла I. Однако главная причина расцвета иргизского центра староверия кроется, по всей видимости, в получении Иргизом монополии на «поставку» священства для старообрядческих общин всей России, что оплачивалось богатейшими подношениями и вызывало широкую поддержку всего раскольничьего населения.

На этих двух основаниях: поддержке со стороны властей и торговле священниками, строилось экономическое благополучие Иргиза, ставшего в хозяйственном отношении крупной силой в Саратовском крае, ведущей собственную торговлю хлебом и рыбой, отдающей в аренду окрестным крестьянам землю и имевшую теснейшие связи с богатейшим староверческим купечеством по всей России.

Глава 3. Введение единоверия в иргизских старообрядческих монастырях

§ 1. Действия губернских властей против раскола в первой половине XIX в.

Государственная политика по отношению к расколу на протяжении царствования от Петра III до Николая I развивалась в тенденции ужесточения вплоть до задач полного уничтожения староверия. Некоторая либерализация наступила лишь с 1855 г. с приходом в министерство внутренних дел графа С.С. Ланского. Причина такого развития политики видится в прямой зависимости от развития института государства и православной церкви, в юрисдикции которой номинально находились все вопросы, связанные со старообрядчеством.

Петр III, занимавшийся церковной политикой бессистемно и с оглядкой на западные тенденции, еще встречал жесткое сопротивление православных иерархов, а потому не оставил после себя сколько-нибудь важных изменений.

Екатерина, управлявшая государством по примеру жестких петровских позиций, смягченных лишь собственным демократизмом, смогла переломить косность епископов и митрополитов с помощью секуляризации, поставив церковь на службу государству не только в идеологическом плане, но и в экономическом. Такие же точно цели преследовала императрица и в отношении староверия. Разрешение переселяться в Россию в обозначенные «реестром» места было продиктовано, прежде всего, нуждами колонизации пустующих земель. Также во время ее царствования старообрядцам легче всего было записаться в купеческое сословие.

Император Павел потерял почти все государственные выгоды, накопленные Екатериной во взаимоотношениях с церковью. Он позволил ей развиваться практически самостоятельно, отдав руководство лишь избранным из числа верховных иерархов. Такая расслабленность церковной жизни как ничто другое благотворно отразилась на существовании раскола.

Планомерная борьба с расколом после павловского расцвета началась при Александре Павловиче. Мягкий во всех церковных делах император предпринял попытку пресечь развитие раскола, изолировав его от общественной жизни государства и дождавшись со временем его угасания. Однако староверие, накопившее к тому времени огромный экономический потенциал, вполне смогло просуществовать и без связи

с государством. Запрет строить новые церкви и занимать чиновничьи должности обходился с помощью купеческого капитала.

Коренные изменения в существовании раскола произошли в царствование Николая Павловича, причем такого качества, что князь Н.А. Орлов в 1858 г. вынужден был признать, что целью бюрократической политики Николая I было поставить староверов вне закона и дать волю полному произволу по отношению к ним¹⁸⁷. Однако, как показывает анализ местного материала, следствием такой политики стало полное подчинение судьбы раскольников органам государственной администрации, что вполне позволяло им существовать подкупом и взаимными услугами, кроме тех редких случаев, когда государственная власть на местах выполняла высочайшую волю в борьбе с расколом, как это случилось с Иргизскими монастырями.

При Николае была произведена полная перепись раскольников а их центры – Рогожское и Преображенское кладбища поставлены под строжайший надзор¹⁸⁸. В 1832 г. также под регистрацию попали насельники всех старообрядческих скитов. Началась строгая регламентация всех сторон жизни староверов.

Указ 1826 г. предписывал совершать старообрядческие богослужения лишь внутри часовен, без участия посторонних, не признавая впрочем, раскольничьи таинства действительными. Этот указ, разрешавший по сути богослужения старообрядцам, но запрещавший им сманивать в раскол православных, был повторен еще несколько раз. Справедливости ради следует сказать, что тот же указ запрещал гражданской местной власти преследовать раскольников лишь за одни богослужения¹⁸⁹, что впрочем не помешало с 1842 г. по 1846 г. закрыть 102 старообрядческих молитвенных дома (из них 12 передать православной церкви), 147 разрушить, а также изъять множество колоколов¹⁹⁰.

Наконец была проведена хотя бы начальная дифференциация различных старообрядческих толков и согласий, которые в 1835 г. были поделены на особенно вредные, вредные и менее вредные. К ним же относились тогда и множество сект, вовсе никак не связанных с расколом. Как объяснял в 1845 г. обер-прокурор Святейшего Синода, отвечая на запрос Министерства внутренних дел: «Вреднейшими

¹⁸⁷ См.: Орлов Н.А. Мысли о расколе // Русский Архив. 1881. Т. 31. С. 85.

¹⁸⁸ См.: Мельников Ф.Е. Беседы старообрядцев. М., 1909. С. 392.

¹⁸⁹ См.: Тальберг Н. История Русской Церкви. Изд. Свято-Успенского-Псково-Печерского мон., 1994. Кн. 2. С. 845.

¹⁹⁰ См.: Смолич И.К. Указ. соч. Примечания. С. 147.

сектами являются: 1) иудействующие, совершенно отпадающие от христианства; 2) молокане, секта разрушительная, как и 3) духоборцы; 4) хлыстовщина и 5) скопцы, обе богохульные; 6) те безпоповщинские секты, которые отвергают брак и молитву за царя: они пишут и произносят жестокие хулы на церковь и таинства и всякую власть нынешнего времени почитают антихристовою. Секты вредные – те из безпоповщины, которые принимают брак и не отказываются молиться за царя. По сим чертам могли бы считаться менее вредными. Но они решительно вредны, потому что отвергают священство и таинство евхаристии и, кроме сказанного, все заимствуют от худших отраслей безпоповщины. Секта менее вредная – поповщина. Это не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более надежды представляет к обращению¹⁹¹».

В 1832 г. полиция получила приказ выдавать беглых попов епархиальным архиереям, а побег стал считаться государственным преступлением. Тогда же началась кампания закрытия старообрядческих скитов. Этим приказом были отменены либеральные Правила 1822 г.

Правительство считало подобные меры вполне обоснованными и постоянно требовало от министерства внутренних дел усиления строгости, крайне обеспокоенное расширением раскола.

Анализ политики николаевского правительства по отношению к расколу позволили И.К. Смоличу сделать вывод: «Целью этих репрессий было полное уничтожение раскола¹⁹²». Однако уже в 1863 г. статистический комитет министерства внутренних дел обнаружил, что к числу старообрядцев можно смело записать 10 % всего населения России¹⁹³, хотя независимые источники приводят более низкие цифры, в частности около 1,5 %¹⁹⁴, куда, по-видимому, не входят тайные раскольники.

В Саратовском крае активизация борьбы со всевозрастающим расколом, причину чему власти видели в существовании на территории губернии иргизского центра староверия, связана прежде всего с миссионерской деятельностью среди старообрядцев.

Современный научный интерес к миссионерскому служению православной церкви среди старообрядчества, а примером тому могут служить несколько диссертаций последних лет на эту тему¹⁹⁵, родился,

¹⁹¹ Цит. по: Тальберг Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 845.

¹⁹² См.: Смолич И.К. Указ. соч. Примечания. С. 147.

¹⁹³ См.: Мельников П.И. Счисление // Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 7. С. 400-409.

¹⁹⁴ См.: Янсон Ю. Сравнительная статистика России. Спб., 1878. Т. 1. С. 130.

¹⁹⁵ См.: Камзина А.Д. Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859-1917 гг.). Дисс. ... степени канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

как представляется, из необходимости осмысления подобного опыта в условиях активизации православной церковью своей деятельности. Также историками отмечается сложное переплетение православного миссионерства и обострившихся межконфессиональных вопросов, а отсюда и межэтнических отношений, при этом указывается на то, что «оптимальное регулирование межконфессиональных отношений является одним из факторов стабильности российского общества. В связи с этим необходимо обращение к изучению исторического опыта сосуществования религиозных организаций, как на региональном, так и общегосударственном уровне. Русская православная церковь в условиях этнического и конфессионального разнообразия Российского государства рассматривала миссионерство как важнейшее направление своей деятельности»¹⁹⁶.

Важно также отметить, что миссионерство среди староверов напрямую соотносится также с вопросом религиозной государственной политики по отношению к расколу, поскольку, несмотря на существование официальной линии внутренней религиозной политики правительства касательно старообрядчества, личная позиция государя почти всегда играла определяющую роль. Оставив церковь значительной экономической и политической силой, реформа Петра I по уничтожению патриаршества все же достигла своей основной цели. Теперь светское правительство, и в первую очередь император, во многом диктовало Святейшему Синоду условия и направление его деятельности, в том числе и миссионерского служения, например в отношении русской православной Миссии в Китае¹⁹⁷. В свою очередь Синоду приходилось соотносить свои действия с существующим государственным законодательством. Именно поэтому такой важный для России вопрос, как миссионерское служение среди старообрядчества находился практически под полным контролем императора. Так, все важные документы касательно дел о расколе непременно шли от «Высочайшего имени». При этом, естественно, не учитывался опыт и епархиальных архиереев, что вело к путанице и произволу в решении вопроса.

Историки выделяют несколько этапов миссионерской деятельности РПЦ среди старообрядчества на примере Оренбургской епархии:

1. 1799 г. – середина 70-х гг. XIX в. – период, когда наиболее распространенным и действенным было использование репрессивно-карательного аппарата светских властей.

---

¹⁹⁶ Там же. С. 174.

¹⁹⁷ См.: Автономов А.С. Дипломатическая деятельность русской православной Миссии в Пекине в XVIII-XIX вв. // Вопросы истории. 2005. №7. С. 101.

2. 1875–1904 гг. – период, характеризующийся активизацией миссионерства и оформлением его организационных структур. Основными методами были признаны полемика и увещевания.

3. 1905–1917 гг. – период, когда миссионерская деятельность осуществлялась в условиях свободы вероисповедания¹⁹⁸.

Анализ документов фондов ГАСО позволяет уточнить представленную периодизацию применительно к реалиям Саратовской епархии. Так, после 1836 г., когда приведение одного из всероссийских центров раскола – иргизских старообрядческих монастырей – жестокими силовыми методами в единоверие стало одной из причин отставки саратовского губернатора Александра Петровича Степанова, борьба с расколом в епархии сосредоточилась почти полностью на увещевании и полемике со стороны православного духовенства. Также стоит заметить, что в Саратовской епархии, несмотря на многочисленность различных старообрядческих толков, в XIX в. так и не сложилась четкая структура миссионерских органов, как это было, например, в Самаре, Оренбурге, Великом Новгороде и Санкт-Петербурге. Действующими миссионерами являлись наиболее активные из духовенства, чья приходская деятельность затруднялась из-за необходимости разъездов по староверческим селениям епархии. Таким образом, в Саратовской епархии обозначенный второй период развития миссионерской деятельности РПЦ по отношению к старообрядчеству очевидно наступил еще со второй трети XIX в.

В Саратовской епархии активизация и некоторое организационное оформление миссионерской деятельности по отношению к старообрядцам началось с создания Секретного Совещательного Комитета по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия. Саратовский Комитет не являлся единичным учреждением по борьбе с расколом и сектантством. Кроме подобных организаций в Санкт-Петербурге и Москве противораскольнические Комитеты были образованы после указа 3 ноября 1838 г. об открытии их в губерниях империи в Петрозаводске, Перми, Тамбове, Чернигове, Харькове, Уфе, Самаре и других городах¹⁹⁹. Таким образом, Комитет в Саратове входил «как звено в общую сеть учреждений подобного рода»²⁰⁰, что позволяет сделать предположение, что репрессивные меры по отношению к расколу во время правления Николая I являлись

¹⁹⁸ Камзина А.Д. Указ. соч. С. 111.

¹⁹⁹ См.: Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование Николая I. Казань, 1914. С. 244-251.

²⁰⁰ Скворцов Г.А. Саратовский Высочайше утвержденный Секретный Совещательный Комитет по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. №32. С. 2.

далеко не единственными и сопровождались активной работой по увещеванию староверов. Тем более что это косвенно подтверждается личной инициативой государя в создании разветвленной структуры, борющейся с инакомыслием.

Саратовский архив, к сожалению, не содержит никаких данных о работе Комитета, поэтому приходится довольствоваться лишь некоторыми материалами члена СУАК Г.А. Скворцова, который в 1915 г. еще застал остатки документов, касательно организации и деятельности Комитета в Саратове.

Из секретного отношения обер-прокурора Святейшего Синода графа Н.А. Протасова на имя Саратовского преосвященного Иакова (Вечеркова) от 15 мая 1839 г. явствует, что основной причиной создания противораскольнического Комитета было то, что «в Саратовской губернии издавна образовалось в Иргизских монастырях гнездо раскольников, значущее по своему влиянию на соседственные губернии и что для достижения благой цели обращения на путь истины необходимо согласное действие духовного и гражданского начальств»²⁰¹. Для согласования действий Комитета как с епархиальным, так и губернским начальством, в него должны были входить епархиальный архиерей, начальник губернии, председатель Палаты государственных имуществ и жандармский штаб-офицер, а также, по необходимости, делопроизводитель из «духовных лиц или гражданских чиновников, известных своими познаниями, честным поведением и скромностью»²⁰². Таким бессменным на протяжении 22 лет секретарем Комитета являлся священник Георгий Никольский. Большое внимание уделяется конспирации заседаний и самих решений Комитета, что отчасти объясняет отсутствие большого количества его делопроизводственной документации.

По характеру деятельности Комитет должен был стать местным «трибуналом» по делам веры с широкими полномочиями и возможностью напрямую влиять на распространение раскола и сектантства в Саратовском крае. Поэтому предметом обсуждения в Комитете становились практические мероприятия по отношению к старообрядцам и сектантам в Саратове и губернии, причем меры воздействия здесь явственно отличаются.

Как уже отмечалось выше, столичные власти весьма мало обращали внимание на особенности местных условий существования староверия, отчего происходила путаница и в действиях, направленных

---

²⁰¹ Цит. по: *Скворцов Г.А. Указ. соч. С. 3.*

²⁰² Там же.

против раскола. Так, например, Комитет должен был руководствоваться общими законами о раскольниках: «Раскольники не преследуются за мнения их о вере; но запрещается им совращать и склонять кого-либо в раскол свой под каким бы то ни было видом, чинить какие-либо дерзости против православной Церкви, или против ее священнослужителей и вообще уклоняться почему-либо от наблюдения общих правил благоустройства законами определенных»²⁰³. Однако при этом непонятно было, как относиться, например, к распространенным случаям обучения староверами крестьянских детей грамоте²⁰⁴. В 1839 г. и 1841 г., когда подобные случаи рассматривались губернским начальством, практику учительства староверам запретили. Однозначно запрещалось устраивать и содержать старообрядческие моленные дома²⁰⁵, а главным проступком, за которое староверы подвергались не только увещательным, но и репрессивным мерам, было совращение в раскол православного населения.

Несмотря на строгую подчиненность Комитета государственным властям епископ Иаков, являющийся инициатором осуществления многих мер, направленных на уменьшение староверия, с самого начала деятельности организации прекрасно осознавал противоречия между распоряжениями верховной власти и местными условиями. Он считал невозможным удерживать православных от совращения в раскол при общей старообрядческой атмосфере, обилии староверческих монастырей и храмов, поэтому среди первых мероприятий владыки были предложения сокращения раскола через запечатание алтарей в раскольнических церквях, возвращение беглых священников (в Саратове – Федор, в Вольске – знаменитый Прохор) к своим архиереям и др. Иаков лично просил губернатора содействовать принятию единоверия известными и влиятельными купцами-староверами (в Хвалынске – Кузьмины, в Кузнецке – Серебрякова, в Дубовском Посаде – Макаровых). Отдельным пунктом борьбы с расколом в Вольске стало предложение передать старообрядческую каменную церковь единоверцам²⁰⁶.

Однако почти на все инициативы епархиального начальства министр внутренних дел А.Г. Строганов ответил отказом. Были приостановлены меры к запечатанию алтарей Верхне-Спасопреображенского иргизского монастыря, преосвященному было

²⁰³ Свод законов. Т. XIV: Устав о предупреждении пресечении преступлений. Ст. 60.

²⁰⁴ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 281, 343.

²⁰⁵ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187, 188.

²⁰⁶ См.: Скворцов Г.А. Указ. соч. С. 8-9.

запрещено вводить в Комитет управляющего Саратовскою Удельною Конторой, присутствие которого Иаков считал необходимым ввиду большого числа староверов среди удельных крестьян. Действительно, в 1920 г. Н.А. Архангельский, проанализировав архивные фонды Самарской Удельной конторы, сумел доказать, что преобладающими среди защитников Иргизской вольницы при приведении Средне-Никольского монастыря в единоверие были крестьяне удельного ведомства²⁰⁷.

Интересно отметить и инициативу губернатора И.М. Бибикова при его участии в работе противораскольнического Комитета. Именно он 9 октября 1839 г. предложил проект, озаглавленный как «О преобразовании Средне-Никольского мужского монастыря в таковой же единоверческий женский» в котором предлагал единоверческий мужской Средне-Никольский монастырь преобразовать в женский для противопоставления его не покорившейся Покровской старообрядческой обители²⁰⁸. Также как и в случае предложений преосвященного, проект губернатора первоначально не нашел поддержки в столице.

В краеведческой литературе сложилось мнение, что Саратовский губернатор А.М. Фадеев (1841-1846 гг.) немало поспособствовал уменьшению раскола в Саратовском крае²⁰⁹, однако анализ деятельности Саратовского Комитета по делам раскольников позволяет сделать обратный вывод. В документах явно прослеживается противостояние епископа Иакова и губернатора²¹⁰, написавшего на преосвященного донос в министерство внутренних дел в котором обвинял церковные власти в превышении дозволенного законом в отношении староверов. Однако министр Л.А. Перовский направил донос обратно в Саратов, преосвященному, посоветовав обсудить его в Комитете²¹¹.

Вплоть до 1858 г. Комитет, по всей видимости, под влиянием епископа Иакова, строго и беспощадно следовал букве закона, когда это касалось наказания раскольников за внецерковные браки, организацию домашних молелен и другие нарушения. Однако уже с 1837 г., когда приведение одного из иргизских монастырей в единоверие, несмотря на активизацию миссионерской деятельности, не

---

²⁰⁷ См.: Архангельский Н.А. О сопротивлении старообрядцев при обращении Средне-Никольского монастыря в единоверческий.

²⁰⁸ См.: Скворцов Г.А. Указ. соч. С. 12.

²⁰⁹ См.: Семенов В. Начальные люди Саратова: от первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 115.

²¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 5.

²¹¹ См.: Скворцов Г.А. Указ. соч. С. 18.

повлекло за собой ожидаемого массового отказа от раскола, государственная власть перешла к некоторому изменению политики противодействия староверию. 13 августа 1837 г. епископ Иаков получает высочайший указ, в котором для борьбы с расколом предполагалось открыть по селениям губернии училища для «первоначального обучения поселян и детей на правилах, составленных для Олонецкой губернии не только в зараженных расколами приходах для ослабления раскола, но и в прочих, для предохранения от раскола, ранним наставлением в духе православия»²¹².

Одновременно с 1833 г. в Саратовской епархии действовал институт непосредственно миссионеров. 4 сентября 1833 г. после слушания предложения Обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода Степана Дмитриевича Нечаева на имя преосвященного Иакова пришел указ об учреждении в Саратовской епархии миссионерской службы, в котором организация миссии объяснялась следующим образом: «действия миссий, учрежденных по Пермской Епархии к обращению раскольников, в продолжении нескольких лет постоянно утешающая своими успехами, внушают мысль к учреждению подобных и по другим местам, где наиболее усилились раскол...на первый раз представляется особенно полезным испытать те же способы по соседственной – к Саратовской Епархии, как в таком месте где по бывшей отдаленности Архиерейских кафедр, расколы преимущественно умножились: Один из Иргизских скитов, обращенный недавно в единоверческий монастырь, предлагает большую удобность действовать в той твердой точки на всю обширную окрестность»²¹³.

На такое предписание последовала резолюция саратовского архиерея: «Отрапортовав о получении и учинить следующее: 1-е Немедля представить справку сколько в здешней Епархии раскольников вообще и порознь в каждом уезде. 2-е Представить послужные списки протоиереев Чернышевского, Бибикова и Иргизова, Священников: Атаевского, Диаконова, Крепкогорского и по Кузнецку третьего Соборного священника»²¹⁴.

Все вышеназванные иереи предполагались в качестве миссионеров, однако твердо известно о вступлении в миссионерскую должность «Саратовской градской Нерукотворенно-Спасской Церкви Протоиерея и Благочинного Гавриила Иванова Чернышевского, ... Волгского Троицкого Собора Протоиерея и Благочинного Петра Иванова

²¹² ПФГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 111.

²¹³ ГАСО. Ф.135. Оп. 1. Д. 22. Л 1-1об.

²¹⁴ Там же. Л. 5 об.

Бибикова, ... Волгского уезда села Малого Перекопного Протоиерея Тимофея Иванова Иргизова, ... Саратовского Сретенской Церкви священника Исидора Атаевского, ... города Волгска Покровской приходской Церкви священника Ефима Диаконова...»²¹⁵. Последний сразу же был направлен на полгода в Мечетную слободу. В апреле 1834 г. открытый лист для беспрепятственного путешествия миссионеров был выдан также архимандриту Платону – игумену Нижне-Воскресенского единоверческого монастыря на Иргизе. При этом всем миссионерам одновременно выдали по 500 рублей (в Пермской епархии на те же нужды выдавалось по 1000²¹⁶), что составляло их годовой заработок.

Одновременно епископ Иаков организовал православную миссию из уже сложившегося к тому времени так называемого «Общества благочестивых» или «Саратовского братства», куда входили, как отмечает современник «младший сын семьи Пономаревых, приехавший в Саратов в 1829 г., его друг Чекенев, купцы А.И. Залетнев, В.И. Крюков, Ф.И. Курбатов, Усов, Бакуров и мещанин П.И. Солохов – всего около 30 человек»²¹⁷. Миссия, состоявшая в основном из мирян, основную свою деятельность направила на различные секты: Кабановскую, скопческую, самосожигателей, из которых 30 человек покончили жизнь самоубийством в Копенах.

Однако многочисленные отчеты приходских священнослужителей о своей проповеднической деятельности позволяют сделать вывод о том, что миссионерство по отношению к староверам в Саратовской епархии носило эпизодический характер. По данным Духовной Консистории, на 1836 г. приходится лишь три первых сообщения о приведении в единоверие из раскола²¹⁸, тогда как на 1837 г. таких сообщений уже 12²¹⁹. В 1839 г. сообщение всего одно.

Поскольку организация миссионерской службы должна была быть произведена в Саратовской епархии по примеру с Пермской, то Иаков регулярно спрашивал совета Пермского архиерея Аркадия по любому насущному делу. В октябре 1833 г. Иаков направил в Пермскую епархию ряд вопросов по организации проповеди среди старообрядчества. Выяснилось, что миссионеров по Пермскому краю всего шесть, инструкция для них была представлена Иакову еще в сентябре в отдельном указе, при этом пермский преосвященный

²¹⁵ ГАСО. Ф.135. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

²¹⁶ См.: ГАСО. Ф.135. Оп. 1. Д. 22. Л. 4 об.

²¹⁷ Рассказ очевидца о действиях преосвященного Иакова по обращению раскольников Саратовской губернии с 1832 по 1839 г. С. 6.

²¹⁸ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 60, 61, 62.

²¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 176, 177, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 191, 192, 194.

отмечал, что «подробности... очень зависят от местных обстоятельств, от местного епархиального начальства... Особенно можно действовать на раскольников искренним радушием к ним, ласковым обращением с ними, кротким увещанием или законным разрешением спорных предметов, имев впрочем ввиду местности, историю здешней церкви»²²⁰. «...Раскол не заблуждения одни: Ваш раскол с нашим имеет теснейшее состояние, посему и миссии наши должны иметь между собою искреннее состояние, а не только общения»²²¹, – заметил пермский преосвященный. Однако, по все видимости, полноценные связи у саратовской миссии с другими так и не сложились.

Епископ Иаков, неутомимый борец с расколом, придерживался на счет методов искоренения его в епархии совершенно иных взглядов. За период с 1836 по 1847 г. в православие и единоверие в Саратовской епархии было приведено 18 304 человека²²², однако это число складывалось не только из бывших староверов, но и сектантов. Самое большее число побед саратовского миссионерства пришлось на 1837 г., – 1957 человек. Представляется, что подобные результаты были достигнуты благодаря жесткому обращению Средне-Никольского иргизского старообрядческого монастыря в единоверческий в 1837 г., после чего исчез центр распространения раскола не только в Поволжье, но и в Москве, на Урале²²³ и по всей России. Однако стоит добавить, что на этот же год приходится и резкий рост числа самих староверов в губернии: в Саратове на 613 человек, в Вольске на 324, в Камышине на 23, притом, что всего здесь было 24 старовера, в Царицыне на 36, то есть также почти в два раза²²⁴. После разгрома старообрядческих Иргизских монастырей под контролем протоиерея Г. Чернышевского в Закавказье отправилось лишь 12 монахов²²⁵, тогда как другие разошлись по Саратовскому краю, проповедуя староверие среди жителей окрестных селений.

27 мая 1820 г. были высочайше изданы «правила, касательно производства купеческих и мещанских выборов из раскольников», то есть о занятии староверами выборных чиновничьих должностей. В одном из лучших учебников по истории русской православной церкви 1959 года, до сих пор используемом в большинстве духовных учебных заведений РПЦ, Н. Тальберг упоминает правила о

²²⁰ ГАСО. Ф.135. Оп. 1. Д. 22. Л. 24-25 об.

²²¹ Там же. Л. 25-25 об.

²²² См.: Рассказ очевидца о действиях преосвященного Иакова по обращению раскольников Саратовской губернии с 1832 по 1839 г. СПб., 1862. С. 1-2.

²²³ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-1об

²²⁴ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1774. Л. 28.

²²⁵ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 172. Л. 13-14.

раскольниках 1820 года вскользь и не совсем точно. «В 1820 г. надзору полиции поручены были лишь беспоповцы (федосеевцы), между которыми обнаружены были случаи разврата и детоубийства; их снова не велено было выбирать на общественные должности»²²⁶. Дело, однако, обстояло сложнее. Наряду с запрещением строить храмы и часовни в 1812 году и появлением с 1803 года в официальных бумагах обидного, со времен Екатерины не употреблявшегося, наименования «раскольник», правила явились еще одной законодательной попыткой сломить раскол и заставить старообрядцев обратиться к появившемуся в 1800 году единоверию.

В официальной переписке министерства внутренних дел и Канцелярии Саратовского губернатора прямо указывалось на общий для всех старообрядцев характер правил, невзирая на толки и согласия²²⁷.

«№ 60 23 ноября 1835

Министерство Внутренних дел

Копия. Секретно. Циркулярно

Господину, состоящему в должности Саратовского Гражданского губернатора.

По секретной части

Из циркулярного предписания Министерства внутренних дел

26 октября 1835 дел от 25 января 1829 года, известны Вашему Превосходительству Высочайше утвержденные 27 мая 1820 года правила, касательно производства купеческих и мещанских выборов из раскольников. В правилах сих, между прочим, постановлено, в случае небольшого числа православных допускать к должностям и раскольников, приемлющих священство, в виде изъятия из общего законоположения.

Ныне Государь Император в пояснении сих правил Высочайше повелеть изволил:

В обществах, где число православных и единоверцев ограничено, в допущении раскольников, приемлющих священство, до общественных должностей держаться духа коренного о сем предмете законоположения, то есть наблюдать, чтобы должности, по преимуществу начальственные и соединенные с особенным влиянием на общество, каковы суть: должность Городского Головы, Городского старосты, Головы ремесленного, вверяемы были непременно православным или единоверцам, что же касается до присутственных

²²⁶ Тальберг Н. История Русской Церкви. Т. 2. С. 844.

²²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-1 Об.

мест, составляемых посредством городских выборов, то ежели по ограниченному числу православных, нельзя будет составить из сих эти присутствия, наблюдать по крайней мере, чтобы число православных членов было в каждом больше, нежели из раскольников, и чтобы в особенности старшие члены Магистрата, то есть Бургомистры были из православных или единоверцев.

О сем Высочайшем повелении я имею честь сообщить Вашему Превосходительству надлежащего в потребном случае руководства исполнение. Подлинное подписал Министр Внутренних дел Статс Секретарь Блудов»²²⁸.

Как видно, данная мера явилась для правительства еще одним методом, наравне с запрещением строить храмы и служить в них, борьбы с распространением раскола среди православного населения. Трезво оценивая ситуацию в некоторых регионах, правительство хотя и делало некоторые послабления, но и использовало все возможные средства, дабы не допустить увеличения старообрядчества.

Правила, вышедшие в 1820 г., в Саратовской губернии не были известны губернскому правлению, и лишь напоминание о них в 1835 г. заставило обратить внимание властей на практически повсеместное занятие различных должностей староверами.

Столь долгая неостребованность правил объясняется, по-видимому, достаточно прозаично. Первые Саратовские епископы относились к старообрядцам довольно милостиво. Так, преосвященный Гаий (Такаов) уехал в свой второй кафедральный город Пензу, после того как убедился в обширной зараженности края расколом. Моисей (Близнецов-Платонов), чрезвычайный поклонник единоверия, старался не проявлять излишней активности и таким образом лишь способствовал староверию. Следующие епископы – Афанасий (Корчанов), Иннокентий (Смирнов) и неуживчивый Амвросий (Орнатский) и вовсе придерживались мнения о превосходстве старообрядческого богослужения.

Также и первые наместники и губернаторы относились к распространению раскола в крае совершенно безучастно, а Алексей Давыдович Панчулидзе так и вовсе способствовал иргизским общинам во всех начинаниях, за что получал немалую мзду и что послужило одной из причин его ареста.

Таким образом, халатность, взяточничество и потворство расколу создали благоприятную почву для его распространения в Саратовском крае.

---

²²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 7-70б.

Поэтому правила о раскольниках 1820 г. оставались не востребованными вплоть до 1835 года, когда МВД, обеспокоенное, что правила не исполняются в ряде регионов страны, прислало запрос в Канцелярию Саратовского губернатора с просьбой проконтролировать исполнение закона пятнадцатилетней давности²²⁹. На посту губернатора в это время находился мягкий и приятный во многих отношениях, кроме деловых, Федор Лукич Переверзев, снискавший долгую добрую память саратовцев. Однако более крупной представляется фигура преосвященного Иакова, одного из самых образованных и деятельных саратовских владык, занимающего саратовскую епископскую кафедру с 27 марта 1832 г. Преосвященный сразу же занялся сбором информации через уездных священников о выполнении правил и, естественно, об их нарушении.

В Губернском же Правлении запрос вызвал крайнее удивление и растерянность. На следующий же день, 10 мая 1835 года, губернатор поставил вопрос перед Правлением и Саратовской Казенной палатой. Передав сообщение от министра, Переверзев постановил провести следующие действия: «...Поставив сие Высочайшее повеление в виду Губернского Правления предлагаю: немедленно рассмотреть баллотированные списки о избранных Городскими обществами к занятию должностей на текущее трехлетие, и если окажется, что некоторые из них допущены к оным в противность вышеозначенных Высочайше утвержденных 27 мая 1820 года правил, с коих предлагается при сем копия, то тотчас удалить их от должности, заместив оные теми, которые к сему могут быть допущены. О том же, что по сему окажется, меня уведомить»²³⁰.

Таким образом, от губернатора поступило три приказа Губернскому Правлению: 1) просмотреть все избирательные списки баллотирующихся в городские Думы и Думы посадов; 2) стараться допускать к выборам лишь православных, а старообрядцев поповских и беспоповских (тех, кто молится за царя и признает брак) толков только в случае крайней нужды и после представления списков министру внутренних дел; 3) всех остальных староверов (беспоповцев, не молящихся за царя и не приемлющих брак, а также тех, кто собственно отношения к старообрядчеству не имел, но по законодательству носил название раскольников – молокан, субботников, духоборов, скопцов и пр.) к занятию государственных должностей не допускать вовсе.

Такое активное начало, однако, не получило никакого реального

²²⁹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-1 об.

²³⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 2 об.-3.

подтверждения, кроме отчета о начатой работе в МВД, что красноречиво свидетельствует об отсутствии взаимодействия между церковной и светской губернской властью по решению подобных вопросов.

В данном случае дело усложнялось еще и тем, что весьма благосклонно относящийся к подношениям местного старообрядческого купечества Переверзев не мог стать помощником преосвященному Иакову в деле искоренения раскола. Однако в Канцелярии губернатора находится масса дел, в которых деятельный епископ месяцами ждал ответа от губернатора, причем не только от Переверзева, но и от И.М. Бибикова и даже от помощника в деле привлечения Иргиза к единоверию А.П. Степанова. Так, например, епископ пять раз присылал уведомление о запрещении каменных построек на Иргизе с просьбой ответить по сему делу. Понадобилось обращение в Правительствующий Синод, чтобы в Петербурге через МВД повлияли на молчание губернатора²³¹.

Тем временем поступила первая информация из просмотренных трехгодичных выборных списков. Выяснилось, что занятие старообрядцами чиновничьих должностей приняло настолько массовый характер, что члены Хвалынской городской Думы почти сплошь староверы, а в самом Саратове в числе раскольников городской Голова Шатов²³². До осени 1935 года никаких конкретных мер не принималось. Губернатор лишь приказал там, где государственные должности занимают староверы, готовить списки православных купцов и мещан для замены ими раскольников.

Там, где гражданская власть, усматривая в делах конфессиональную составляющую, не торопилась с решениями, церковная, в лице епископа Иакова, была расторопнее. По донесениям благочинных настоятелей был составлен список раскольников, занимающих чиновничьи должности, и 26 августа препровожден на имя губернатора Переверзева со следующим примером противоправной деятельности:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

По поступившему ко мне от благочинного Аткарской округи Баландинского городка священника Ивана Помилотова донесению, что в селе Альшанке Мирской староста крестьянин Прокопий Парамонов, содержащий раскольническую Поморскую секту и имеющий в доме своем часовню, по неуважению к Православной Церкви нашей,

²³¹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136.

²³² См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 23.

нарочито деля Мирские сходки во время Божественной службы, а особенно в воскресные и праздничные дни, отвлекает через то прихожан от бытия в Церкви...

...Между тем по собранным Консistorией сведениям видно, что и в городе Саратове в довольном количестве раскольники из купеческого и мещанского звания занимают разные по обществу должности.

Посему препровождаю при сем тем лицам именной реестр, составленный Градским Благодичным, ...покорнейше прошу Ваше Превосходительство переменить их людьми, содержащими православное вероисповедание, о последующем почтить меня уведомлением.

С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею быть.

Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга Иаков Епископ Саратовский»²³³.

«Список начальникам из купеческого и мещанского звания, держащихся раскольнической Поповской секты в городе Саратове.

1-й Саратовский градской голова, купец Петр Никитин Шатов

Заседатели от купечества в Саратовской Палате Гражданского

Суда:

2-й Иван Афанасьев Уфимцев

3-й Василий Федоров Кривоносов

Члены Саратовской Градской Думы:

4-й Василий Петров Верзоулов

5-й Федор Степанов Градков

6-й Тихон Васильев Кутин

7-й Матвей Петров Кокурошкинов

Заседатели в Совеcтном суде:

8-й Максим Петров Верзоулов

9-й Ротман Саратовского городского Магистрата Иван Петров Буркин

Подлинное подписал: Алексей Попов»²³⁴.

Далеко не полный, как потом выяснилось, список староверов, занимающих чиновничьи места в Саратовской губернии, - наглядный пример распространения раскола в крае. Торговая жизнь края также во многом протекала сообразно деятельности старообрядческого купечества. Так, в Волгске первым городским Головою был представитель громкой старообрядческой купеческой фамилии Иван

²³³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 5-5 об.

²³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 6.

Вавилович Расторгуев, а в 1780 году едва ли не единогласно был избран также, по всей видимости, старовер, Василий Алексеевич Злобин – миллионер, известнейший винный монополист, откупщик и меценат. Тесная связь саратовского старообрядческого купечества со всероссийским центром раскола в Москве на Рогожском кладбище привела, задолго до организации специальной торговой агентуры, к появлению таковой в лице староверческих общин хлебородного края²³⁵. Рогожцы, осуществляя контроль над торговой деятельностью своих единоверцев по всей стране, устанавливали цены на центральных ярмарках на хлеб с помощью общин Самарского, Саратовского, Пензенского краев, на скот – с помощью общин степных губерний и так далее. Что же касается влияния раскольнического капитала на экономику Саратовской губернии, то, например, Верхне-Успенскому иргизскому монастырю принадлежало более восьми тысяч десятин удобной для хлебопашества, исключительно плодородной земли, с которой хлеб шел в основном на местный губернский рынок²³⁶. Подобным образом обстояло дело и с рыбной ловлей. Верхне-Спасопреображенский иргизский монастырь имел весьма обширные ловли на озере Калач, что по официальному донесению, заниженному по меньшей мере вдвое, приносило ежегодно 400 рублей дохода²³⁷. Так что нет ничего удивительного в том, что управление многих городов края, особенно приближенных к Иргизу, находилось практически в руках старообрядцев.

Список епископа Иакова был не последним. Вслед за данными, собранными по Саратову, расторопное церковное начальство собрало подобную информацию по всей губернии и преподнесло ее в декабре на имя губернатора, сопроводив следующим объяснением:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

В дополнение препровожденного к Вашему Превосходительству при отношении моем от 26-го числа минувшего августа за №5076-м списка о раскольниках, занимающих в городе Саратове общественные должности по выборам, коих, просил я Ваше Превосходительство, как вредных для православной Церкви, удалить от тех должностей и заменить людьми православного вероисповедания, присовокупляя к сему таковой же список, составленный из поступивших ко мне донесений от Протоиереев городов – Волгска Петра Бибикова, Камышина Петра Казаринова и благочинного, священника Дубовского Посада Максима Волкова, – покорнейше прошу Ваше

²³⁵ См.: Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 245.

²³⁶ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 81.

²³⁷ См.: Там же. Л. 78 об.

Превосходительство, согласно тому моему отношению, о удалении означенных в сем списке раскольников от должностей ими занимаемых, с помещением на оные людей православного вероисповедания, учинить начальническое Ваше распоряжение и о последующих для донесения Господину Обер-Прокурору Святейшего Синода, почтить меня уведомлением.

С истинным почтением и таковою же преданностью имею честь быть Покорнейший слуга Иаков Епископ Саратовский»²³⁸.

«Копия

Список

Составленный из донесений Протоиереев городов: Волгска Петра Бибикова, Камышина Петра Казаринова и благочинного Дубовского Посада священника Максима Волкова.

Раскольникам, занимающих разные должности по выборам.

В городе Волгске

По Магистрату:

Бургомистры из купцов поповщинской секты:

Сергей Мельников

Лука Разумов

Ротмистры из купцов:

Николай Новиков

Андрей Волковоинов

Степан Симаков

Ерофей Золуев

В Думе:

Голова – купец Гавриил Расторгуев

Авдей Калганов

Степан Мунин

Иван Жизякин – поморец

Староста – Павел Стрелков – поповщинской секты

В городе Камышине

По Магистрату:

Бургомистр, купец Тимофей Лазарев – поморец

В Думе:

Гласный Никита Герасимов

В Посаде Дубовке

По Ратуше:

Ротманы из купцов – Василий Рышников

Макар Макаров

²³⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 11.

Подлинное подписал: Алексей Попов»²³⁹.

К этому времени с 5 декабря 1835 года губернаторскую должность занимал Александр Петрович Степанов. Бывший адъютант самого Суворова, писатель и краевед Енисейского края, где был губернатором с 1822 года, Александр Петрович, видимо, памятуя наставления прославленного полководца, активно взялся за дело искоренения раскола. Весь с небольшим год губернаторства Степанова стал для саратовского старообрядчества наиболее разгромным.

Преосвященный Иаков нашел в лице гражданского начальства столь необходимую помощь и поддержку. Дело о правилах 1820 года получило дальнейшее развитие. 24 декабря новый губернатор представил оба списка епископа Иакова на рассмотрение Губернского Правления, чего, по всей видимости, не было сделано ранее. Здесь же Степанов в весьма категоричной форме приказывает «учинить надлежащее положение»²⁴⁰. Одновременно городским Думам по губернии было напомнено о предоставлении списков старообрядцев на чиновничьих должностях.

Еще раньше, 10 сентября 1835 года, епископ Иаков добился первого примера снятия раскольника с должности. Довольно громкое дело о гласном Волгской Градской Думы Жестянине, старовере поморского толка, не осталось незамеченным Министерством внутренних дел и как явное нарушение государственных правил получило быстрое разрешение. Приверженец одного из самых консервативных толков в расколе не допускал свою дочь до брака с православным. На защиту молодых встала волгская общественность, и даже безвольному Переверзеву пришлось принять меры²⁴¹.

Довольно обширная выписка из журнала Саратовского Губернского Правления вбирает в себя как деятельность губернских властей в деле о правилах 1820 года, так и все бумаги этого дела. Сюда же были внесены полученные списки из городов губернии с именами занимающих государственные должности староверов и претендентами на них. Выяснилось, что в Петровске, Сердобске, Аткарске и Царицыне все чиновники православные. В Балашове лишь один старообрядец поповщинского толка – кандидат в гласные купец Гуськов. Списки по самому Саратову, Камышину и Волгску совпадали со списками из Консistorии. В Кузнецке из поповщинских старообрядцев были представители семьи Кошкодаевых – бургомистр Василий и кандидаты

²³⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 12-12 об.

²⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 15 об.

²⁴¹ См.: Там же. Л. 25.

в городские Головы купец Антон и мещанин Аникий²⁴².

Практически каждый город, в котором имелись в управлении старообрядцы, оправдывался тем, что православных, которые могут заниматься чиновничьими делами, не хватает, так как многим мешает торговая деятельность. Да и само Правление после рассмотрения списков признало, «что если изъять из государственных должностей всех раскольников (в том числе и тех, которые добром и благонаравием заслужили похвалу от общества и правительственные награды), то во многих селениях православным придется находиться на должности почти бессменно»²⁴³. Однако новый губернатор оставался непреклонен и решение принял, руководствуясь суровой буквой закона, о чем было доложено министру внутренних дел 19 января 1836 года в следующей форме: «...3 сего января состоялось положение, чтобы на места всех состоящих ныне при должностях по городским выборам раскольников и старообрядцев хоть их числом находилось в большой массе людей, - утвердить православных христиан, состоящих из кандидатов с допущением к должностям по приведении к присяге, а по недостатку кандидатов сделать вновь баллотировку...»²⁴⁴.

Таким образом, участь старообрядцев была решена. После епископ Иаков дознается о троих старообрядцах чиновниках в селе Юловой Мазе и троих в Балаково, причем в последнем в их число входил Голова – Павел Шикин, о чем было доложено 4 марта Губернскому Правлению²⁴⁵.

Наконец, 31 мая 1836 года приходит из Петербурга подтверждение решения вопроса:

«И. Д. С. Г. Г. Саратовскому Губернскому Правлению.

По секретной части

31 мая 1836

№ 206

Господин Министр Внутренних дел от 29 прошедшего апреля №1116 уведомил Г. Гражданского Губернатора, что по доведении до сведения Государя Императора донесения Исправлявшего должность начальника Саратовской Губернии Председателя Палаты уголовного суда касательно сделанного правлением распоряжения, об удалении от общественных должностей по здешней губернии старообрядцев и раскольников, и замещения сих должностей лицами православного исповедания, - Его Величество Высочайше повелеть соизволил

²⁴² См.: Там же. Л. 28 об-30.

²⁴³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 31.

²⁴⁴ Там же. Л. 32 об.

²⁴⁵ См.: Там же. Л. 34-35 об.

изъясненное распоряжение Губернского начальства, как основанное на законах, оставить в силе...»²⁴⁶.

Дело, таким образом, завершилось полным изъятием с выборных должностей городов Саратовской губернии всех староверов²⁴⁷. Многое здесь зависело от тех, кто проводил борьбу с расколом. Так, если не гнушавшийся подношений иргизской братии Федор Лукич Переверзев тянул дело восемь месяцев, то Степанов по-военному завершил его за один. По-разному эта борьба отразилась и на участниках. Переверзев, не успевший ничем испортить отношений ни с непосредственным начальством, ни с влиятельными старообрядческими общинами, направился на повышение в Киев. Александр Петровичу же, наоборот, была вменена в вину излишняя ретивость, что в совокупности с явным расположением к декабристам, по всей видимости, сыграло роль в его отставке. Для епископа Иакова и созданного им «Общества благочестивых» по борьбе с расколом дело о правилах 1820 г., несмотря на то, что оно еще неоднократно возникало²⁴⁸, было использовано как начало для полного уничтожения старообрядчества на Иргизе.

Таким образом, несмотря на общий репрессивно-полицейский характер политики по отношению к старообрядчеству при императоре Николае I, выражавшемся в полном контроле и уничтожении раскола, конкретные меры на местах, в том числе в Саратовской губернии, напрямую зависели от представителей светской и духовной губернской власти. Епископ Иаков, зачастую не находивший поддержки у губернского начальства, сумел организовать как разветвленную миссионерскую службу среди староверов, так и провести несколько репрессивных акций по отношению к ним. Апогеем борьбы преосвященного с поволжским расколом стало уничтожение иргизского старообрядческого центра.

²⁴⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 44.

²⁴⁷ См.: Наумлюк А.А. Осуществление правил 27 мая 1820 г. «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» в Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник. Саратов. 2005. С. 29.

²⁴⁸ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 11 об.

§ 2. Уничтожение старообрядческого центра на Иргизе

В 1827 г. саратовский губернатор князь Александр Борисович Голицын, по примеру П.У. Белякова, постановил собрать все имеющиеся сведения об иргизских монастырях. Д.Л. Мордовцев большую роль в этом решении отдает посланию того же года епископа Пензенского и Саратовского Иринея, в котором архиерей сетует на абсолютно невозбранное жительство на Иргизе, среди монашеской братии, беглых православных священников²⁴⁹. В конце Иринея предлагает ряд правил, которыми, по его мнению, возможно пресечь дальнейшее распространение раскола в крае. Главным образом они заключались в жестком контроле за приходящим на Иргиз беглым священством и запрещении как иргизским иереям, так и инокам, свращать в раскол православных под угрозой уголовного наказания²⁵⁰. По всей видимости, инициатива духовной власти вызвала интерес у власти светской и князь Голицын стал первым саратовским губернатором, попытавшимся уничтожить иргизскую вольницу.

В ответ на послание Иринея губернатор запросил все имеющиеся сведения относительно Иргиза у вольского земского исправника Канищева. Оказалось, что по данным седьмой ревизии 1815 г. официально во всех монастырях проживает «202 души мужского пола и 152 женскаго, тогда как только по монастырским спискам считалось в этих монастырях...более тысячи ста иноков, инокинь, бельцов и белиц»²⁵¹. Описание хозяйственного устройства обитателей, видимо, вошло в архив Братства Святого Креста, опубликованного А. Лебедевым²⁵².

В это же время монастырями заинтересовалась и столичная власть – министр императорского двора князь П.М. Волконский своевременно сделал запрос министру внутренних дел В. – Ланскому «имеется ли со стороны губернского начальства полицейский надзор за иргизскими монастырями»²⁵³.

Ответить на подобный вопрос Голицын решил самолично в Петербурге, причем доложил о желании вольских старообрядцев перейти из ведомства духовных губернских властей в ведение светских. Неизвестно точно, было ли такое заявление богатых и свободолюбивых староверов Вольска, однако столичное руководство ответило на него

²⁴⁹ См.: Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 82.

²⁵⁰ См.: Там же. С. 84-85.

²⁵¹ Там же. С. 90.

²⁵² См.: Лебедев А.К истории старообрядчества на Иргизе. С. 2-13.

²⁵³ См.: Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 99.

указом 2 августа 1828 г., по которому: «признав нужным подчинить исключительному надзору местного губернского начальства старообрядческие Иргизские монастыри, находящиеся Саратовского удельного имения в Волжском уезде, Повелеваю вам передать в казенное ведомство состоящих при оных удельных крестьян и принадлежащие монастырям земли...»²⁵⁴.

В исследовательской литературе²⁵⁵ сложилось мнение, что, воспользовавшись указом, губернатор отправился на Иргиз и, остановившись в Нижне-Воскресенском монастыре, сумел с его помощью склонить настоятеля Адриана и большую часть братии дать подписку о принятии единоверия²⁵⁶. Монахи действительно дали такую подписку: «...При сем всепокорнейшее и обще просим вас исполнить волю вышняго правительства, ибо мы душевно желаем принять хриstopреданную и на утвержденную на камне единоверческую церковь с ее обрядами в непродолжительном времени, несмотря на невежествующих и незнающих закона... Употребите, сиятельный князь, все средства о переименовании монастыря и церквей наших единоверческими, на пунктах Платона, митрополита московского...»²⁵⁷. Однако поездка Голицына состоялась 14–16 июня, тогда как Соколов вполне верно называет дату получения указа 20 августа²⁵⁸. Причины резкого ослабления противостояния Иргиза властям видятся, прежде всего, в деятельности губернатора, направленной на угнетение непокорных раскольников: была проведена полная перепись насельников обители, установлены запреты на проживание новых священников и запрещено покидать монастырь уже живущим здесь. Наконец, в рекрутские наборы стали забирать молодых послушников и даже иноков обителей. В это же время с Иргиза рассеялось по губернии более десяти иноков с тем, чтобы как можно шире разнести новости о усилившемся гонении на иргизское старообрядчество²⁵⁹.

Предложение о принятии единоверия в других монастырях Иргиза положительного результата не дали, более того, подписка об этом Нижне-Воскресенской обители вызвала среди иноков и окрестных староверов столь резкое неприятие, что в Нижний монастырь прекратилось поступление всяких пожертвований, а около 60 человек крестьян Криволучья силой пытались заставить настоятеля изменить

²⁵⁴ Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. С. 133.

²⁵⁵ См.: Попов Н. Указ. соч. С. 40.

²⁵⁶ Добротворский И.М. Обращение иргизских старообрядческих монастырей к единоверию. С. 236.

²⁵⁷ Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 149-150.

²⁵⁸ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 296.

²⁵⁹ См.: Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 118-119.

свое решение²⁶⁰. В Средне-Никольском монастыре организовался всеиргизский Собор, на котором присутствовал молодой тогда инок Афоний Кочуев – будущий инициатор восстановления староверческой епископской иерархии, где старообрядческое сообщество осудило действия Адриана. В ответ настоятель Нижнего монастыря потребовал от губернатора вернуть подписку о единоверии. Губернатор отказал довольно жестко, несмотря на заступничество за обитель саратовской удельной конторы, получавшей с Иргиза подати в казну. Адриан, не желавший брать ответственности за переход в единоверие, сложил с себя бремя настоятеля, и на его место встал 65-летний Никанор. Н.С. Соколов предполагает, что новый настоятель тянул время с официальным прошением в переводе обители в единоверческую с целью дожидаться ухода Голицына с губернаторского поста²⁶¹, однако, более вероятным представляется обыкновенная боязнь перед староверами Иргиза и, главным образом, перед вольским купечеством, теперь уже снятым с чиновничьих должностей, но все же влиятельным. При этом Никанор рассчитывал с помощью единоверия избавить братию от рекрутчины и освободить некоторых взятых под стражу иноков, о чем уже упоминалось выше. Однако к маю 1829 г. Саратовская духовная Консистория приняла монастырь как единоверческий в соответствии со следующими правилами: «монастырь должен быть общежительным; называться будет не раскольничьим или старообрядческим, но единоверческим; дабы отличить и возвысить оный пред прочими Иргизскими монастырями и тем возбудить в сих последних таковое же соревнование к единоверию, учредить его классным и оставить за ним все земли и угодья...; церкви монастырские осветить по старопечатным книгам; во всем касающемся монастыря и жителей его, руководствоваться пунктами митрополита Платона, снабдив копией с них и настоятеля новоприсоединяемого монастыря...»²⁶². После утверждения Консисторией Святейший Синод, в свою очередь, постановил содержать Нижне-Воскресенский единоверческий монастырь третьеклассным со штатом иноков в 12 человек. Теперешнее состояние обители, по сравнению с ее староверческим периодом, представляется крайне бедным и закончилось бы, наверняка, полным ее уничтожением со смертью последних насельников. Однако активизация миссионерской деятельности во вновь открывшейся в 1828 г. Саратовско-Царицынской

²⁶⁰ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 302.

²⁶¹ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 322.

²⁶² Правила Саратовской Духовной Консистории на которых учрежден Нижне-Воскресенский классный единоверческий монастырь // Саратовские епархиальные ведомости. 1882. №33.

епархии выдвинула монастырь на достойное место – именно отсюда саратовские архиереи предполагали бороться с расколом на Иргизе, поскольку из Саратова за удаленностью это было затруднительно, а Вольск сам представлял собой оплот староверия в крае.

27 октября 1800 г. московский митрополит Платон, ближайший сподвижник и учитель императора Павла, пожалуй впервые с XVII в. предложил староверам возможность мирного сосуществования с никонианским православием в виде единоверия. С этого времени единоверие как «вид воссоединения русских старообрядцев-раскольников с православною церковью, по которому за старообрядцами сохраняется право совершать богослужение и таинства по старопечатным, дониконовским, книгам и по своим обрядам, под условием подчинения, в иерархическом отношении, православной церкви и принятия ими священнослужителей от православных архиереев»²⁶³ существует в церковной практике до сегодняшнего времени. Главным правилом, которым руководствуется единоверческая церковь, стало разрешение Платона на запрос староверов: «Дабы Святейший Синод и ваше высокопреосвященство благословили старообрядческим священникам службу Божию, таинства и требы христианские совершать по старопечатным книгам при всероссийских Патриархах Иове, Ермогене, Филарете, Иоасафе и Иосифе. Чему следовать должны диаконы и церковнослужители»²⁶⁴. Тогда же официально с раскольников, перешедших в единоверие, были сняты клятвы Собора 1666 г. Несмотря на лояльность Правил митрополита Платона в отношении к единоверцам среди как церковной, так и светской власти, установилось некоторое отвержение. Официальные документы вплоть до 1917 г. практически полностью приравнивают единоверцев к раскольникам: наказание за переход в единоверие из православия было точно такое же, как и за раскол (проводились следствие, увещевания, а перешедших отлучали от церковного окормления), как это случилось с пятью саратовцами в 1835 г., – следствие о которых заняло почти 5 лет²⁶⁵. Таким образом, единоверие так и не стало возможностью искоренить раскол, более того, оно предоставило староверам прекрасную возможность при необходимости спастись от преследований переходом в единоверческое состояние и вновь возвращаться в раскол, что подтверждается постоянным изменением соотношения единоверцев и староверов в крае²⁶⁶. Однако в

²⁶³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 22. С. 553.

²⁶⁴ Труды первого единоверческого съезда в Москве 25-30-октября 1909 года. М., 1909. С. 102.

²⁶⁵ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 54.

²⁶⁶ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 60, 61, 176, 177.

начале XIX в. единоверие представлялось действенным оружием в борьбе против раскола, которое и было применено по отношению к иргизским старообрядческим монастырям.

Следующий этап приведения Иргиза в единоверие начался с 1833 г., когда на заволжских староверов вновь обратил свое внимание столичный секретный Комитет по делам раскола, а саратовскую кафедру занял епископ Иаков Вечерков.

Тогда же министр внутренних дел, видимо не совсем доверяя губернатору Переверзеву, послал на Иргиз для сбора сведений и выработки плана уничтожения здесь раскола чиновника для особых поручений Арсеньева. Проверка его выявила около 30 000 прииргизских староверов, так или иначе связанных с монастырями²⁶⁷, и закончилась предложением некоторых мер для уменьшения староверов: «1) открыть новые уездные города в Заволжье; 2) новых переселенцев размещать отдельными селами, вдали от раскольников; 3) открыть во всех новых уездных городах школы и запретить местным жителям отдавать детей в ученье по местным домам; 4) всех иноков и бельцов, живущих в раскольничьих монастырях, но не приписанных к ним, выслать в места первоначального жительства; 5) остальных поместить в Преображенский монастырь, а Никольский обратить в православную приходскую церковь; 6) женские монастыри упразднить»²⁶⁸.

Несмотря на то, что предложение Арсеньева обратило на себя внимание Синода, архивные документы не позволяют сделать однозначный вывод о том, что среди причин образования в 1835 г. заволжских уездных городов Николаевска, Новоузенска и Царева можно рассматривать борьбу с расколом. Более вероятным представляются следующие причины: «Непрестанное и быстрое умножение народонаселения в заволжских степях Саратовской губернии, делает необходимым усилить в сих местах надзор и действие Городских и земских начальств. Далее весь левый берег реки Волги в сей губернии простираясь в длину с лишком на 600, а в ширину от 200 до 400 верст, не имеет ни одного административного пункта и некоторые селения удалены на 300 верст от своих уездных городов, отделенных сверх того большою и в иные времена года на весьма значительное пространство разливающеюся рекой. Сим затрудняются отношения жителей с властями, и от сего же происходит почти неизбежная медленность и упущения в действиях Земской полиции, особенно в весеннюю пору...»²⁶⁹. Как видно, о расколе документ не

²⁶⁷ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 347.

²⁶⁸ Там же. С. 348.

²⁶⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 3229. Л. 2-2 об.

упоминает.

В остальном же предложение Арсеньева было исполнено, кроме того, что женские монастыри не были совсем упразднены.

Усиление нажима на иргизское старообрядчество породило естественную реакцию. В 1836 г. братия Верхне-Спасопреображенской обители, видимо для предотвращения перехода окрестных жителей из раскола в единоверие, что случалось довольно часто под влиянием саратовской миссии (порой староверы лишались до 44 своих приверженцев за раз ²⁷⁰), распространила слухи о том, что «в верхнеиргизском монастыре недавно явились мощи бывшего беглого Священника, умершего в монашестве Иосифа, указывая тем, что церковь их правая»²⁷¹. Интересно, что в исследовательской литературе умерший священник ошибочно назван Иоасафом, что породило мнение о том, что это бывший монах Нижне-Воскресенского монастыря, заключенный князем Голицыным за неподчинение и сосланный в Петербург к министру внутренних дел, а затем в Сибирь²⁷². Такая версия вполне соотносится с практикой «канонизации» староверами своих святых-мучеников.

Пристальное внимание правительства обратил на себя факт нападения на единоверческого настоятеля Нижне-Воскресенской обители архимандрита Платона, когда лишь бегство из настоятельских покоев в обычную келью спасло его от убийц²⁷³.

В Волгске и на Иргизе стал появляться «особый род литературы» – «подложные манифесты и особые тетрадки, наполненные хулами на никониан-гонителей»²⁷⁴. Н. Соколов автором подобных посланий всем староверам края называет Афония Кочуева, однако документально это никак не подтверждается. В декабре 1837 г. один из таких «правительственных манифестов», по которому староверам разрешалось беспрепятственно строить часовни и иметь свое священство, а православной церкви запрещалось чинить какие-либо препятствия староверам, был распространен в Вольске стараниями местного старообрядческого купечества и попечителей вольской старообрядческой общины купцов I гильдии Гурия Суетина и Егора Курсакова²⁷⁵. Епископ Иаков пытался содействовать расследованию дела, однако влияние вольских староверов в крае было таково, что они добились правительственного указа: «к решению дел о раскольниках в

²⁷⁰ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 191. Л. 12 об.

²⁷¹ ПФГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 91. Л. 1 об.

²⁷² См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 366.

²⁷³ ПФГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 91. Л. 4-4 об..

²⁷⁴ Соколов Н.С. Указ. соч. С. 367.

²⁷⁵ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 342. Л. 1-1 об.

производящихся в уездных судах и уголовных Палатах не были приглашены Депутаты с Духовной стороны»²⁷⁶. В конце концов все свидетели по делу отреклись от своих показаний и расследование ничего не дало.

Подобные методы сопротивления старообрядцев мерам правительства по борьбе с расколом не могли не вызвать недовольства властей. В конце 1835 г. вместо Ф.Л. Переверзева, на которого постоянно сыпались доносы епархиального руководства губернии в потворстве расколу, губернатором был назначен Алексей Петрович Степанов. Сын губернатора П.А. Степанов передает, что при назначении в Саратов его отец пришел к императору и тот указал ему на «обилие раскольников в Саратовской губернии и особенно на гнездо их, в иргизских скитах.

Отец мой резко отвечал:

- Ваше величество, я их приведу к одному знаменателю.

Государь улыбнулся и сказал: «Без сильных мер. Надо действовать осторожно и не раздражать».

В Министерстве А.П. Степанову даны были наставления, преимущественно касающиеся раскольников: указано на иргизские скиты, как на священное место, род Мекки, всех приволжских раскольников; как на притон, где обитали самые закоренелые фанатики, куда укрывались беглые из сибирских ссыльных; беглые преступники и опасные сектаторы, так называемые бегунцы. Предложено употребить разумные, не насильственные, но мягкие меры для подготавливания скитов к передаче православной или единоверческой церквам»²⁷⁷.

Несмотря на данные при назначении губернатора наставления, действия Степанова против Иргиза стали самой кровавой страницей в истории саратовского старообрядчества, отразились во множестве литературных произведений, но так и не достигли желаемой цели уменьшения раскола в крае.

В конце 1836 г. произошло уже высочайшее повеление о приведении Средне-Никольского монастыря в единоверие с условием сохранения всех его земель, монашествующим числом до 25 человек, которые согласятся на единоверие, а всех несогласных отправить в Верхне-Спасопреображенский, единственно остающийся в руках старообрядцев на Иргизе, кроме Покровской женской обители, куда должны были отправиться насельницы Успенского скита, который

---

²⁷⁶ Там же. Л. 70.

²⁷⁷ Степанов П.А. Указ. соч. С. 552.

предполагалось полностью уничтожить²⁷⁸. Степанов был извещен о подобном решении 14 января 1837 г. и сразу же начал действовать.

6 февраля будущий настоятель обращаемой обители архимандрит Зосима, саратовский благочинный Г. Чернышевский, оставивший после всего подробнейшие воспоминания, и пристав Константиновский отправились на Иргиз. В Средне-Никольском монастыре архимандрит огласил настоятелю и всей братии высочайшую волю, на что иноки отвечали, что «не допустят отдать церковь для Единоверия, хоть бы то стоило им даже пролития крови»²⁷⁹. В обитель стали стекаться окрестные староверы, которых к 9 числу набралось уже до 500 человек, которые перекрыли доступ в монастырь, закрыв ворота. Конфликт затягивался, превращаясь в осаду. И 21 февраля, не дождавшись положительного решения дела, в монастырь прибыл губернатор и сразу в темноте февральской ночи начал приступ обители, для чего было из Николаевска и окрестных селений собрано 800 человек православного вероисповедания. Штурм был отбит с довольно большим количеством раненых, в монастыре ударили в набат. И из Николаевска на помощь инокам поспешили староверы «с ружьями, пистолетами, копьями, кистенями и дубинами»²⁸⁰.

Губернатор возвратился в Саратов, чтобы сделать приготовления к решающему захвату непокорной обители. К 12 марта в Николаевске было собрано 200 рядовых Саратовского внутреннего гарнизонного батальона, 40 казаков 3-го казачьего полка Астраханского казачьего войска, конно-артиллерийская резервная батарея из Хвалынска, половина саратовской пожарной команды с 4 трубами, а также 2000 окрестных православных жителей, так называемых «понятых»²⁸¹.

Не бездействовали и защитники монастыря. 25 февраля настоятелем Корнилием было послано прошение шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, в котором, подробно описывая происходящие события, просили защиты перед императором²⁸². Более интересно письмо настоятеля графу В. Кочубею, которое сохранилось в 407 фонде СУАК ГАСО. В прошении заступничества есть такое описание осады обители 21 февраля: «Окрестные старообрядцы собрались в... большом количестве и удерживали все усилия духовных и гражданских чиновников падением пред ними на колена, и слезно-убедительными прошениями оставить монастырь сей в прежнем. Высочайше

²⁷⁸ См.: Чернышевский Г. Указ. соч. С. 3-5.

²⁷⁹ Чернышевский Г. Указ. соч. С. 7.

²⁸⁰ Там же. С. 17.

²⁸¹ См.: Там же. С. 21.

²⁸² См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 386.

дарованном ему существовании... Но означенные чиновники огласили сих старообрядцев бунтовщиками, постановили вокруг монастыря многочисленные караулы и никого в него не допускают, а находящимся в оном брать воду не допускают, дабы принудить к исполнению требования оных голодом»²⁸³.

Это не последнее несоответствие в передаче событий между официальными донесениями губернских властей и записями самих староверов. Более всего разночтений в литературе по данному вопросу относительно применения оружия Степановым при взятии монастыря 13 марта, когда губернаторским силам противостояло 3 000 собравшихся старообрядцев²⁸⁴. Г. Чернышевский будучи представителем духовной власти при штурме обители описывает все так: «13-го марта г. губернатор отправил в сказанный монастырь всеми вышеозначенными командами и собранными из ближайших сел обывателями. Там, приказав лить из пожарных труб водою на бунтующих, усмирил их без кровопролития, велев всех их связать и отправить в г. Николаев под стражу, монастырь в два часа времени совершенно очищен от собравшейся туда раскольнической буйной сволочи»²⁸⁵. Так же приводит события и Н.И. Попов²⁸⁶. Анализировавший «Повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г.» Ю. Рыков также не находит подтверждения применению губернатором оружия.

Однако более убедительным кажется свидетельство П.А. Степанова: «Привели к монастырю николаевскую гарнизонную команду; приказано толпе разойтись, с угрозой, что разгонят силою. В ответ на это раскольники сцепились, переплелись тесно руками, облегли огромною цепью монастырь и поклялись, что пока живы, монастыря не отдадут. Растащить их не было возможности; казаки пытались разогнать их нагайкам, но терпеливо переносили они удары и оставались в прежнем положении. Тогда губернатор приказал привезти два конно-артиллерийских орудия и между ними поставить две пожарные трубы. С начатием пальбы холостыми зарядами, стали качать трубы; мороз был сильный, вода, превращаясь в круаный град, осыпала раскольников; те, перепуганные пальбою и падающим кругом их чем-то, что, вероятно, приняли за картечь, – разорвались и побежали; казаки отогнали их далеко в степь»²⁸⁷. Этому свидетельству

²⁸³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2275. Л. 2.

²⁸⁴ См.: Рыков Ю.Д. Указ. соч. С. 312.

²⁸⁵ Чернышевский Г. Указ. соч. С. 23.

²⁸⁶ См.: Попов Н. Указ. соч. С. 88-89.

²⁸⁷ Степанов П.А. Указ. соч. С. 534.

вполне доверяет и Соколов, добавляя при этом: «Так, как иначе непонятно, из-за чего же разбежался народ? Холодным душем едва ли можно было испугать людей, приготовившихся к смерти»²⁸⁸.

Ссылаясь на свидетельство протоиерея Элпидинского, Соколов приводит описание монастыря после приступа: «Подъезжая к воротам монастыря, увидели множество народа обоего пола, лежащего связанными. Въехав внутрь оного, увидели по всему двору текущую воду и множество крови... У холодной церкви г. губернатор верхом встретил нас таковым приветствием: «Ну гг. отцы, извольте подбирать, что видите»²⁸⁹.

После военных действий при приведении Средне-Никольского монастыря в единоверие инокини Успенской обители по приказанию Степанова послушно отправились в Покровский монастырь.

Таким образом был приведен в единоверие второй мужской монастырь на Иргизе. Для губернатора дело с Иргизом также закончилось неблагоприятно. Сразу после событий 13 марта саратовский жандармский штаб-офицер донес о случившемся в Петербург, после чего последовала скорая отставка Степанова. В губернии по поводу отнятия у староверов Средне-Никольского монастыря начался «со стороны раскольников большой бунт»²⁹⁰, завершившийся, впрочем, довольно быстро после усиления надзора за беглыми священниками и разбежавшимися иноками обители, чем занялся теперь Иаков. Отношение государственной власти к методам бывшего адъютанта Суворова ярче всего выразилось в словах великого князя Александра Николаевича Романова в письме отцу императору Николаю I: «Теперь уже нечего делать, но мне кажется, что с этим Иргизским монастырем очень неосторожно поступили благодаря глупости бывшего губернатора Степанова, но и наше духовное начальство тут также не весьма благоразумно действовало. Здешний архиерей на этот счет совершенно фанатик, а одним фанатизмом не возьмешь, я с ним об этом говорил, а он мне отвечал, что не только не рано приступил к переименованию Никольского монастыря в Единоверческий, а напротив того, по его мнению, надобно было уже прежде это исполнить силой, это выйдет открытое гонение, а известно, какие следствия бывают от гонения за веру, уже они и теперь начинают считать себя мучениками за православие. Вновь назначенный в Никольский монастырь игуменом единоверческий архимандрит Зосим, человек хитрый, но не чистый, он начал с того, что овладел всем

²⁸⁸ Соколов Н.С. Указ. соч. С. 395.

²⁸⁹ Соколов Н.С. Указ. соч. С. 396.

²⁹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1890. Л. 1-1 об.

монастырским добром и т. п. Вообще здешнее духовенство наше к несчастью не славится своей нравственностью»²⁹¹.

Относительно же самих староверов и их отношения к захвату монастыря можно привести любопытный пример, который несколько меняет представление о мирном противлении раскольников гонениям со стороны властей. В сентябре 1840 г. следствие о нескольких крестьянах-староверах села Таволжанки Николаевского уезда показало, что они «соглашали слепого нищего казенного крестьянина Нижегородской губернии ... жечь селение русских в отмщение будто бы за то, отобран у них старообрядцев монастырь...»²⁹².

В апреле 1840 г. Саратовский секретный совещательный комитет по делам раскола принял решение окончательно пресечь раскол на Иргизе, переводя последние оставшиеся здесь Верхне-Спасопреображенский мужской и Покровский женский монастыри в единоверие. Годом ранее новый губернатор И.М. Бибииков обратился к правительству о разрешении вовсе упразднить оставшиеся обители²⁹³. Министр государственных имуществ граф П.Д. Кисилев в виду неизвестности ему Саратовского губернатора не рискнул начинать дело с непроверенным человеком и новым начальником губернии был назначен управляющий палатой государственных имуществ А.М. Фадеев, предложивший разогнать раскольничьих монахов по месту приписанного жительства, на что впрочем граф не согласился.

28 мая 1841 г. жителям Николаевска и насельникам оставшихся монастырей была объявлена высочайшая воля приведения обителей в единоверие. Монахи, как и жители, поминая жесткость губернатора Степанова, нисколько не сопротивлялись, и освящение монастырских церквей прошло беспрепятственно. Однако страх губернского начальства перед выступлениями старообрядцев был настолько силен, что на следующий же день после обращения губернатор постановил, чтобы «для содержания караулов в обращенных ко Единоверию монастырях Спасо-Преображенском и Покровском находиться будут впредь до усмотрения присланные из Вольской Инвалидной команды 12-ть человек рядовых и один унтер-офицер и Николаевской 5-ть рядовых и один унтер-офицер»²⁹⁴.

В 1843 г. вследствие нехватки оставшихся монахов Средне-Никольский мужской монастырь переименовали в женский, куда

²⁹¹ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 116.

²⁹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 1 об.

²⁹³ См.: Соколов Н.С. Указ. соч. С. 412-413.

²⁹⁴ ПФГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 36. Л. 1-1 об.

перевели насельниц Покровской обители, последнюю же вовсе упразднили²⁹⁵.

И.М. Добротворский, высказываясь о последствиях уничтожения раскола на Иргизе, восторженно писал: «Обращение иргизских раскольнических монастырей к единоверию было весьма благодетельно не только для саратовской губернии, но и для всей России. Ни упорные раскольники, ни дерзкие преступники законов и вредные члены государства и общества, теперь уже не скрывают своих преступлений в иргизских монастырях под личиною старой веры»²⁹⁶. В том же духе ему вторит А.Ф. Леопольдов в своей рукописи «О раскольничьих сектах Саратовской губернии»²⁹⁷. Однако выше приводимое увеличение численности староверов в крае после разгона Иргиза позволяют усомниться в достижении губернскими властями своей цели. Соколов справедливо отмечает, что «из 600–700 монашествующих обоюбого пола на Иргизе на единоверие согласилось никак не больше 20 человек»²⁹⁸. Тогда как в Закавказский край, судя по документам было, отправлено всего несколько десятков человек. Если даже принять во внимание то, что монахи отправлялись на приписанное место жительства, представляется вероятным, что оставшиеся без монастыря иноки разошлись по губернии, распространяя раскол с гораздо большим рвением и убедительностью, нежели православные миссионеры.

По мнению исследователей антистарообрядческая политика Николая I охватывала 1826–1855 гг.²⁹⁹ В продолжение всего этого периода производилось закрытие старообрядческих общин, передача староверческих храмов и монастырей в единоверие. Среди самих старообрядцев подобная практика получила остро негативную оценку (например, в отношении закрытия храмов на Урале): «Закрытие и передача единоверцам часовен в Нижне-Тагильском заводском округе были проявлениями репрессивной политики, нацеленной на искоренение старообрядчества. Вплоть до смерти Николая I давление правительственного пресса на уральских староверов лишь возрастало»³⁰⁰. Однако, если приведение в единоверие старообрядческих монастырей Ветки и Стародубья проходило

²⁹⁵ См.: ПФГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 200. Л. 3.

²⁹⁶ Добротворский И.М. Обращение иргизских старообрядческих монастырей к единоверию С. 258.

²⁹⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1774. Л. 49.

²⁹⁸ Соколов Н.С. Указ. соч. С. 429.

²⁹⁹ См.: Водлазко В.Н. Старообрядчество в царствование Николая I (по материалам «Собрания постановлений по части раскола» 1858 г.) // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы IV научно-практической конференции. М., 1998. С. 33.

³⁰⁰ Шкерин В.А. Закрытие старообрядческих часовен в Нижне-Тагильском заводском округе в 30–40-е годы XIX века // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1995. Вып. 8. С. 100-101.

сравнительно мирно, то особенностью закрытия Иргизских обителей стали довольно жесткие военные меры, предпринятые по инициативе епископа Иакова и осуществленные губернатором Степановым. Нельзя отчасти не согласиться с тем, что уничтожение Иргиза «привело к запустению разработанных ранее и возделанных ранее земель..., разрушению архитектурно-художественных комплексов старообрядческих поселений...»³⁰¹. Однако при этом нельзя не учитывать, что с уничтожением Иргизского староверческого центра в Саратовской губернии исчез также и центр средоточия беглого населения со всей России, постоянной угрозы социальных потрясений в крае, что было особенно важно перед отменой крепостного права 1861 г.

---

³⁰¹ *Кочергина М.В.* Политика уничтожения старообрядческих духовных центров юго-запада России в середине XIX в. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII-XIX веков: Сб. ст. и мат. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 51.

Заключение

К середине XIX в. закончилась история Иргиза как Всероссийского центра старообрядчества, однако последний крупный успех иргизской братии позволил расколу быть может дожить до наших дней. По свидетельству самих староверов, именно иргизские монахи, в частности секретарь Верхне-Спасопреображенского монастыря Аффоний Кочуев и игумен Силуан на всестарообрядческом Соборе 1831 г. настояли на приискании себе архиерея из заграницы³⁰². Таким архиереем в 1846 г. стал оставшийся без кафедры Боснийский митрополит Амвросий, благодаря которому старообрядчество белокриницкого толка обрело всю полноту иерархии.

С самого начала своего существования Иргиз, как средоточие раскола в крае, являлся отражением государственной политики по отношению к старообрядчеству в России, которая на протяжении от Петра III до Николая I развивалась в тенденции ужесточения.

«По большей части...отвращение от религии»³⁰³ Петра III позволило ему подготовить указ о различных свободах староверам, по которым предполагалось заселить возвращавшимися старообрядцами саратовское Заволжье. Иргиз впервые возник среди колонизаторских планов правительства.

Рационалистическое по своему характеру правление императрицы Екатерины II послужило началом колонизаторскому освоению Заволжья и одновременно Иргизским староверческим монастырям, когда по указу 1862 г. в основном из-за польской границы на Иргиз стали приходить старообрядцы крестьяне и монахи. Представляется, что указ императрицы явился самым большим благом для староверов в церковной политике дореволюционной России после свободы вероисповедания 1906 г. И снова Иргиз явился одним из ключевых мест в замыслах власти.

Возвращение старообрядцев именно на Иргиз, по всей видимости, инициировано самими поволжскими раскольниками через И. Серебрякова. Однако малонаселенность местности также сыграла немаловажную роль.

Всемерная помощь императора Павла позволило Иргизу стать всероссийским центром раскола. Монополия Иргиза на исправу священников для староверов всего государства, которую добился Сергей Юршев на Московском Соборе «перемазовщины»

³⁰² См.: К портрету священника о. Иоанна Ястребова // Старообрядческий церковный календарь. 1911-1912. С. 54-55.

³⁰³ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 5.

1779–1780 гг., определила славу обителей по всей России. Иргиз в это время стал крупной экономической силой Саратовского края, что официально закрепилось в отмене рекрутского набора среди иргизской братии, а также передаче земель в беспрекословное пользование. Хозяйство обителей в виде пашен, сенокосов, рыбных угодий, мельниц и т.д. являлось лишь внешним проявлением экономического благополучия Иргиза. Более всего средств поступало из богатых подношений, потеря которых являлась одной из причин неприятия единоверия: «Если они обратятся к единоверию, то лишатся приношений и подаяний от усердствующих, а без таких даров им нечем будет существовать»³⁰⁴. При этом огромная роль отводилась прибыли от «торговли» беглыми священниками, которых только на Иргизе могли принимать в раскол.

Закат монашества на Иргизе, начавшийся еще при императоре Александре, завершился полным исчезновением при жестком к расколу правительстве Николая I. В это время Иргиз занимал правительство, как губернское, так и российское, более чем когда-либо. В зависимости от развития старообрядчества в крае назначались и снимались губернаторы, а саратовские архиереи пользовались едва ли не большей властью, нежели светское руководство.

Начиная со второй четверти XIX в. саратовское губернское начальство в соответствии с общегосударственным курсом антистарообрядческой политики начало активную борьбу с расколом. Однако, в Саратовской губернии репрессивные меры сочетались с миссионерским служением представителей официальной церкви, начало которому было положено в 1833 г. Причем как деятельность саратовской православной миссии, так и существование Саратовского Комитета по борьбе с расколом и сектантством вполне вписываются в практику государственной политики по отношению к старообрядчеству и в других губерниях.

Самое уничтожение Иргиза вполне соотносится и по характеру действия, и по временным реалиям с уничтожением подобных центров староверия на Ветке, в Керженце, на Урале. Однако, видимо, нигде более действия губернского руководства не принимали такой ожесточенный характер, как на Иргизе. Единственным аналогичным действием властей было взятие военными силами Соловецкого монастыря в 1676 г. Также как и в отношении северной обители для приведения Иргиза в единоверие были применены войска, а впоследствии, также устроена тюрьма для религиозных

---

³⁰⁴ Исторический очерк единоверия. СПб., 1876. С. 141.

преступников³⁰⁵.

Интересно отметить образование особого типа народного творчества – «плача» по уничтожаемым старообрядческим духовным центрам, причем появление их следует не только после закрытия Иргиза, но и, например, Керженецких обителей³⁰⁶.

История Иргизских монастырей не укладывается лишь в рамки истории Саратовского края, хотя и неразрывно с ней связана. Она охватывает гораздо более широкий спектр проблем, начиная с народных возмущений, образования Саратовской епархии, сменой губернского руководства, и заканчивая оформлением старообрядчества в самостоятельную православную Церковь. Исторические коллизии существования Иргизских монастырей отражают изменения, происходившие в государственной религиозной политике. В свою очередь, Иргиз во многом определил историческое развитие Саратовской губернии в XIX в.

---

³⁰⁵ ПФГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 15.

³⁰⁶ Стих о разорении скитов // Русская старина. 1878. Т. XIII. Кн. 6. С. 342-344.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. Неопубликованные

Государственный архив Саратовской области.

Фонд 1. Канцелярия Саратовского губернатора.

Оп. 1. Д. 43, 49, 106, 132, 136, 147, 159, 161, 181, 187, 188, 195, 281, 302, 343.

Фонд 135. Саратовская Духовная Консисто́рия.

Оп. 1. Д. 22, 54, 60, 61, 172, 176, 177, 191, 342.

Фонд 407. Саратовская ученая архивная комиссия.

Оп. 1. Д. 3229.

Оп. 2. Д. 783, 953, 961, 1424 а, 1589, 1597, 1617, 1774, 1832, 1833, 1890, 2275.

Фонд 849. Вольское Духовное правление.

Оп. 1. Д. 159.

Фонд 1281. Документальные материалы по ликвидации дел СГЖУ при Саратовском Губернском общественном комитете.

Оп. 1. Д. 8.

Вольский филиал Государственного архива Саратовской области.

Фонд ОДФ-1. Вольская городская Управа Саратовского губернского правления.

Оп. 1. Д. 1.

Пугачевский филиал Государственного архива Саратовской области.

Фонд 20. Нижне-Воскресенский мужской с. Криволучья Николаевского уезда монастырь.

Оп. 1. Д. 1, 91, 111, 200.

Фонд 21. Спасо-Преображенский мужской с. Пузановки Николаевского уезда монастырь.

Оп. 1. Д. 15, 36.

Государственный архив Самарской области.

Фонд 558-Р. Общество краеведения и этнологии Самарского края.

Оп. 1. Д. 44, 255.

Пугачевский краеведческий музей. Научный архив.

Архангельский Н.А. Из истории Иргизских старообрядческих

монастырей. Рукопись. Самара, 1919-1920. (№ 2).

Архангельский Н.А. О сопротивлении старообрядцев при обращении Средне-Никольского монастыря в единоверческий. Рукопись. Самара, 1919. (№ 4).

Тихомиров М.Н. Доклад о поездке в Иргизские монастыри с 31 мая по 17 июня 1919 г. Рукопись.

Чернышевский Г. Историческое описание обращения Средне-Никольского, что на Иргизе, раскольнического монастыря в Единоверческий. Рукопись. (№ 6).

Вольский краеведческий музей. Научный архив.

Шмуkker М.М. Расправа самодержавия с расколом в Вольске и на Иргизе. Рукопись. (Ф. 4. Д. 540).

2. Опубликованные

Архангельский Н.А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (Самарская областная научная библиотека. № К65 А87).

Архив В.А. Гольцева. М., 1914. Т. 1.

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина. СПб., 1859.

Записки императрицы Екатерины II. М., 1990.

Рассказ очевидца о действиях преосвященного Иакова по обращению раскольников Саратовской губернии с 1832 по 1839 г. СПб., 1862.

Рыков Ю.Д. Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999.

Степанов П.А. Взятие у старообрядцев Иргизского монастыря в 1836 г. // Русская старина, 1879. Т. XXIV. Кн. 3.

Стих о разорении скитов // Русская старина. 1878. Т. XIII. Кн. 6.

Правила Саратовской Духовной Консистории, на которых учрежден Нижне-Воскресенский классный единоверческий монастырь // Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 33.

II. Монографии и статьи

Автономов А.С. Дипломатическая деятельность русской православной Миссии в Пекине в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории, 2005. № 7.

Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование Николая I. Казань, 1914.

Водолазко В.Н. Старообрядчество в царствовании Николая I (по материалам «Собрания постановлений по части раскола» 1858 г.) // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы IV научно-практической конференции. М., 1998.

Воробьев М. Православное краеведение. Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002.

Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII веках. Саратов, 1923.

Гераклитов А.А. Обзор «Пугачевских» дел из Астраханского губернского архива // Труды СУАК, 1913. Вып. 30

Горбунов Ю. Художественная культура староверов // «Одесса». 1998 г. № 3.

Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005.

Дзюбенко М.А. О древлеправославном миссионерстве // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2005. Т. II.

Дионисиев Д. Движения в расколе // Отечественные записки. 1874. № 11.

Добротворский И.М. Исторические сведения об Иргизских мнимостарообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник, 1857. Кн. 2.

Добротворский И.М. Обращение иргизских старообрядческих монастырей к единоверию // Православный собеседник, 1858.

Дубакин Д. Иргизские раскольнические монастыри. Самара, 1882.

Дубакин Д. Обращение Иргизских раскольничьих монастырей в единоверие // Самарские епархиальные ведомости, 1882–1883, № 1, 2, 5–14, 19.

Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. М., 1884.

Духовников Ф. Губернатор П. У. Беляков (1802–1807 г.) // Труды СУАК. 1894. Т. IV. Вып. III.

Ершова О.П. Старообрядчество и власть. М., 1999.

Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. М., 1995.

Иером. Сергей (Юршев) Зеркало для старообрядцев, не

покоряющихся православной церкви. СПб., 1799.

Исторический очерк единоверия. СПб., 1876.

К портрету священника о. Иоанна Ястребова // Старообрядческий церковный календарь, 1911–1912.

Каргин Ю. Старообрядцы на Иргизе // Памятники Отечества. Сердце Поволжья: альманах. 1998 № 40 (3–4).

Каргин Ю. Царство иноков. Краткий очерк истории Иргизских старообрядческих монастырей. Балаково, 2004.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1992. Т. 2.

Колядина А.М. Иргизские старообрядческие монастыри в XVIII–начале XIX века как один из важнейших центров книжной культуры Поволжья // Самарский край в контексте российской истории. Самара, 2001.

Кочергина М.В. Политика уничтожения старообрядческих духовных центров юго-запада России в середине XIX в. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XIX веков: Сб. ст. и мат. Вып. 3. Брянск, 2004.

Лебедев А. К истории старообрядчества на Иргизе. Отдельный оттиск из журнала «Старообрядческая мысль». М., 1911.

Лебедев А. Материалы для истории раскола в Поволжье. Краткий очерк истории Иргизских раскольнических монастырей. Саратов, 1910.

Леопольдов А.Ф. О расколе по Саратовской епархии. 1839 г. // Труды СУАК. 1903. Вып. 23.

Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839.

Лобачев С.В. У истоков церковного раскола // Отечественная история, 2001. № 2.

Ливанов В.Ф. Раскольники и острожники. СПб., 1869.

Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003.

Макарий, митр. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1889.

Макаров В.Е. Очерк истории Рогожского кладбища к 140-летию его существования: 1771–1911 гг. М., 1911.

Малкин В. Кто позвал на Иргиз старообрядцев. Проект крестьянина, ставший императорским указом // Волга. 1994. № 9–10.

Материалы международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты – угроза XXI века». Нижний Новгород 23–25 апреля 2001 года. Изд. Братства св. Александра Невского. 2001.

Мельников П.И. Счисление // Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т.7.

Мельников Ф.Е. Беседы старообрядцев. М., 1909.

Мордовцев Д.Л. Последние годы Иргизских раскольничьих общин // Дело, 1872. №№ 1, 2, 4.

Наумлюк А.А. Иргизское старообрядчество и власть // Реформирование государственной службы как стабилизирующий фактор становления гражданского общества в России: материалы научно-практической конференции 26 апреля 2005 года. Саратов, 2005.

Наумлюк А.А. Осуществление правил 27 мая 1820 г. «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» в Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. С. 29.

Наумлюк А.А. Государственная религиозная политика и Иргизские старообрядческие монастыри // Одиннадцатые Всероссийские Платоновские чтения. Самара, 2005.

Никольский Н.М. История Русской Церкви. М., 1983.

Нильский И.О. О единоверии // Христианские Чтения. 1870. Кн. 8; 1874. Кн. 11.

Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковедческое исследование. М., 1980.

Орлов Н.А. Мысли о расколе // Русский Архив. 1881. Т. 31.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и в начале XVIII века. Одесса, 1882. Т. 2.

Полозов С.П. Из истории прииргизского старообрядчества XVIII–XIX вв. // Вопросы музыкознания и музыкального образования. Новокузнецк, 2004.

Полозова И.В. Певческая культура старообрядцев Иргиза // Вопросы музыкознания и музыкального образования. Новокузнецк, 2004.

Попов Н. Сборник для истории старообрядчества. М., 1866.

Пушкарев С. Историография старообрядчества // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 7.

Пушкин А.С. История Пугачевского бунта. СПб., 1838.

Ряжев А.С. Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед. Самара, 1994.

Скворцов Г.А. Саратовский Высочайше утвержденный Секретный Совещательный Комитет по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. № 32.

Семенов В. Начальные люди Саратова: от первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998.

Смолич И.К. История Русской церкви 1700–1917 // История Русской церкви. М., 1997. Кн. 8. Ч. 2.

Соколов Н.С. Раскол в саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888.

Стебницкий М. С людьми древляго благочестия. СПб., 1863.

Сулейманова Н.И. М.Н. Тихомиров и К.И. Журавлев – основатели Пугачевского краеведческого музея. (Пугачевский краеведческий музей. Рукопись).

Тальберг Н. История Русской Церкви. Изд. Свято-Успенского-Псково-Печерского монастыря, 1994. Т.2.

Труды первого единоверческого съезда в Москве 25–30 октября 1909 года. М., 1909.

Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1885. Т. I. Вып. I.

Филарет архиеп. История Русской церкви. Изд. Сретенского монастыря, 2001.

Филатова Я.И. Государственно-конфессиональные отношения в России в конце XIX–начале XX вв. // Одиннадцатые Всероссийские Платоновские чтения. Самара, 2005.

Шкерин В.А. Закрывание старообрядческих часовен в Нижне-Тагильском заводском округе в 30–40-е годы XIX века // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1995. Вып. 8.

Шмидт В. Жизнеописание Святейшего Патриарха Никона // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 11.

Щапов А.П. Земство и раскол. СПб., 1862.

Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2005.

Янсон Ю. Сравнительная статистика России. СПб., 1878. Т. 1. С. 130.

III. Справочники и энциклопедии

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., тп. «Издательское дело», 1900. Т. 22, 30, 44.

Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. Репринт. изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.

Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.). Самара, 2002.

Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года.

Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
Т. XVI: С 28 июня 1762 по 1765.

Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6
(Николаевский уезд). Самара, 1889.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII–XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983.

Боченкова И.Д. Государственная политика в отношении староверов в последней четверти XVIII–нач. XX вв. (на материалах Ярославского наместничества). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

Григорьев С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Ершова О.П. Раскол и власть (отношения государства и старообрядчества в 50–60-е гг. XIX в.) Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Камзина А.Д. Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.

V. Интернет ресурсы

<http://starover.boom.ru/sobor1779.html>

<http://www.samstar.ru/article/1159/>

Наумлюк Антон Александрович

**ЦЕНТР СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ИРГИЗЕ:
ПОЯВЛЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ**

Монография

Литературный редактор Тиндикова Е.В.

Старший корректор Миронова С.И.

Дизайн Щетинина М.В.

Верстка Горина Е.В.

Изд. Лиц. ИД № 00125 от 22.03.2002.

Подписано в печать 22.05.2009 г.

Формат 70 x 90 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 6,3. Тираж 400 экз. Заказ 104.

ООО Издательство «Научная книга»
410031, г. Саратов, ул. Московская, д. 35.